

ЮРИЙ НИКИТИН

Рождение
Контролера

К О Н Т Р О Л Е Р

Annotation

Кому много дано, с того много и спросится. Еще Пифагор говорил, что стыдно стареть, не узнав, на что способны твои ум и тело. Владимиру Лавронову дано было немного, а чего недоставало, он взял сам, без спросу. Он и не подозревал, что пользоваться сверхчеловеческой мощью все равно что идти по тонкому канату над пропастью...

Юрий Никитин

Контролер. Книга третья. Рождение Контролера

© Никитин Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Люблю хай-тек, но люблю как простой и даже очень простой обыватель. Потому бунтую, когда техника начинает наглеть. Кофейный автомат вместе с апгрейдами и новыми рецептами начал скачивать и рекомендации Всемирной Организации Здравоохранения, и сейчас вот на мое высочайшее повеление изготовить большую чашку эспрессо выдал маленькую чашку латте, дескать, не так вредно для моего организма, где такие-то и такие показатели повышены, а что-то и вовсе близко к красной черте.

То-то в последнее время резко скакнул спрос на аппараты старого образца, что не умничают и выполняют то, что им прикажут.

– Вот что, – сказал я злым голосом, – если, сволочь, не выдашь прямо сейчас то, что изволю велеть, то этот бунт машин пресеку в самом начале!..

Автомат не ответил, еще не осирился, дурак, но уже выполняет указания госдепа, предатель. Придется отрубить от инета, такая функция пока что есть, вовсе отключу вай-фай, перезагружу, сделаю откат, и будет как миленький выполнять все, как в армии, не обсуждая приказы. Апгрейды придется ставить вручную, сперва посмотрев, какого бесплатного кота в мешке мне суют «для моей же пользы».

И вообще пора прекращать гнаться за новинками слепо. Покупать надо то, что нужно, а не что втюхивают производители.

Пока я возился и перенастраивал, повысив себе приоритет до предела перед всякими там госдепами, за спиной раздался звонок.

Я оборачиваться не стал, и так вижу, ответил малость сонным голосом:

– Связь!.. Да, Ингрид, рад видеть тебя даже такой опасно румяной, как взрыв ядерной бомбы.

– Спасибо, – ответила она.

– Пробежка?..

– С препятствиями, – похвалилась она. – Слушай, ты мне нужен.

– Что, препятствий мало?... – поинтересовался я. – А-а-а, ни за что! Только вчера решил принять целибат. Твердо, как Аристарх Самосатский!

– Наглая свинья, – сообщила она. – Наглейшая! Нужен по делу.

Автомат загремел, размалывая зерна, некоторое время голос Ингрид оставался за стеной грохота, затем в чашку хлынула темно-коричневая пахнущая струя, я дождался, когда наполнится, и переставил ее на стол.

Ингрид продолжает смотреть со стены вопрошающими глазами. Я сделал первый глоток, прикрыл в наслаждении глаза.

– Баунти... Даниссимо... Ты что-то хрюкнула?.. Ингрид, если хочешь уговорить на какую-то ерунду, то сейчас даже гранды не требуются. Мацанюк подкидывает регулярно, он только поглядывает, чтобы не спились, не ушли в буддизм или в йогу, когда все похрену, а так у нас все поют, прекрасная маркиза!

Она передвинулась на стену левее, чтобы находиться прямо передо мной и смотреть мне в глаза, вдруг мне станет стыдно.

– Нет, другое.

Я спросил с ленивым любопытством:

– Что же?

– Тебе, – проговорил она несколько напряженным голосом, – предлагают возглавить отдел.

Я дернулся.

– Что-что?

– Крупный отдел, – пояснила она. – У нас, а не в твоём Центре Биотехнологий или как он там у вас называется.

Я засмеялся.

– Ингрид... Вы там немножко ку-ку... Так уверены в своей значимости, даже мило. Да я возглавлять даже все ваше ГРУ откажусь!.. Без колебаний. Ты даже не представляешь, какой вы занимаетесь хренью и каким важным делом занят я.

Она смотрела ясными чистыми глазами валькирии, что явилась по душу павшего воина и отступать не намерена.

– Ты помог, – сказала она, – раскрыть серьезнейшее преступление, о чем знает мое управление. И если где-то что-то произойдет серьезное... и не укладывающееся в привычные рамки полицейского расследования, неужели откажешься помочь?

Я ответил таким же прямым и честным взглядом, дескать, не павший, а напротив, возлифтившийся.

– У вас хватает специалистов. Друг на друге сидите! Народные деньги жрете. Корыто небось огромное?

– Не такого уровня, – отпарировала она. – У нас прекрасные люди и хорошие оперативники. Но, признаю, у доктора наук взгляд шире. Что делать, признаю, хоть и с неохотой. Ты умнее и потому видишь то, чего не видят те, у кого за плечами в лучшем случае Полицейская Школа, а то и просто трехмесячные курсы.

Я кивнул.

– Ингрид, я тебя тоже люблю и уже не готов так уж однозначно прибить или придушить. Мои координаты знаешь, так что через месяц-другой можем где-то встретиться, вспомнить всякое. А сейчас... извини, ты мне нарушаешь церемонию кофепития.

Она сказала строго и очень невесело:

– На этой неделе был совершен теракт в Лефортово, где расстреляли посетителей в кафешке. Затем взрыв бомбы на автобусной остановке. Еще один в электричке. Вчера в Медведково, а сегодня в Люберцах!

Я кивнул.

– Впечатляет.

– Ты мог бы предотвратить, – сказала она, увидела мое выражение лица и быстро уточнила: – Не сам, а во главе отдела!.. Рассчитав, как ты это умеешь, мог бы направить в те места агентов, чтобы предотвратили.

Я фыркнул.

– Полагаешь, я мог бы заранее?

Она ответила с некоторым колебанием:

– Это звучит слишком самонадеянно, сама знаю, но верю, что хотя бы часть терактов ты сумел бы вовремя... у нас такая техника!.. и предотвратить.

Я покачал головой.

– Прости, но не в коня корм. Я белая кость, я не просто ловлю вирусов, а не воришек и террористов, но и полагаю, что это важнее. Прости, мне пора на работу. У меня, понимаешь, работа, а у вас там служба. Разницу улавливаешь?

Она проводила со стены злым взглядом, но я вышел, уже не слушая, что говорит вдогонку, и лишь на крыльце выключил связь.

Автомобиль быстро выкатился со стоянки перед домом и подкатил к подъезду. Я сел за руль, произнес «автопилот», Сири тут же прощбетала:

– Принято.

Лавируя между автомобилями, которым места на стоянке не нашлось, мы выехали на дорогу, где уже почти забыл этот нелепый разговор. После той эпопеи с заложницей я вернулся в институт и резко продвинулся с исследованиями, написал пять тщательно аргументированных статей с изложением новых методов, предложил оригинальную методику маркировки испорченных мест в геноме и нашел неизвестный ранее и дешевый путь регенерации аксонов, осталось только проверить на опыте.

И чтобы после такого я принял предложение гоняться за террористами? Мозг мой постоянно кипит, требуя работу, а когда не подкидываю ему сознательно, сам находит и занимается нелепейшими вычислениями, сравнениями, строит догадки на основе незначущих фактов. Не раз ловил его на том, что вычисляет вероятность квантового перехода в нестабильной звездной системе Море Батина в сравнении с такой же возможностью в ядре черной дыры в центре галактики Панцирь Трилобита или же рассчитывает мощность бозонов в потоке геркеров, хотя до сих пор геркеры – лишь термин, за которым ни одной цифры.

Обычно удавалось заставить его лечь и отдохнуть, но иногда защита моя слабела, и он тут как тут со своими идеями, как дать всем щасте. Ну хоть стихи пока не сочиняет, тогда бы вообще лапы кверху, а хвост набок. Но даже стихи лучше, чем чистить общество от грязи и паразитов...

– Сири, дай фирму «Звезды Алаксионы».

Сири быстро поинтересовалась:

– Дежурного оператора?

– Давай, – ответил я.

Вспыхнул большой экран на лобовом стекле, милая девушка-рецепционистка заулыбалась профессионально приветливо.

– Фирма «Звезды Алаксионы», слушаем вас!

– Есть участок, – сказал я, – хочу построить домик.

Она заулыбалась уже теплее, как-никак клиент, прощбетала:

– Секундочку, переключаю на дизайнеров...

На экране возникла Синтия во всей ее красе, чувственной и выставочной. Всмотрелась, вскинула брови.

– Ой, не ожидала тебя...

В ее голосе послышалось недоумение и сдержанное неудовольствие. Тоска стиснула сердце, но я не поэт, сумел взять голос под контроль и сказал клиентски приветливо:

– Синтия, извини за вторжение, но я по делу, ничего личного. У меня заказ. На строительство.

Она сказала с облегчением:

– О, поздравляю. Сейчас переключу.

– Извини, – повторил я. – Даже не знал, что ты работаешь здесь.

Она посмотрела на меня пытливо.

– Наши отделы из-за сокращений слили воедино, теперь я здесь.

– Не беспокойся, – сказал я еще раз.

Она, не дожидаясь, что скажу еще, поспешно ткнула в экран пальцем. Вместо нее возникло изображение стильного кабинета и лохматого в стиле Грига мужика за столом. Он вскинул голову, взглянул непонимающими глазами.

– Да?

– Заказ, – сказал я. – У вас красивые проекты, видел. Нужен домик.

Он сказал с энтузиазмом:

– Все сделаем! Любая прихоть за ваши деньги!

Прихотей у меня нет, но от моей квартиры добираться до Центра Мацанюка больше часа, а когда пробки, то теряю по два-три. Давно возникала идея перебраться поближе, а когда решил обменять квартиру, пришла идея еще лучше.

Все новости, что не относятся к науке, я велел мозгу отсеивать, но ему дает указания еще и спинной, скотина, потому иногда вдруг проскочит вереница фоток с вот такими и вот такой или фото новейших автомобилей в продаже недалеко от дома.

Так же мелькнула, но нарочито задержалась новость, что в совхозе «Заветы Ильича» перешли на вертикальные фермы, так урожай выше, освободилось где-то больше трехсот гектаров земли, которую тут же купил концерн «Красивая Земля» и начал там строительство коттеджного поселка.

Собственно, строить начал только дороги, подводить электричество, газ и оптоволокно, а дома покупатели уже возводят сами какие хотят. У нас не Евросоюз, где и домики должны быть абсолютно одинаковые у всех, и никто не смеет под угрозой чудовищных штрафов посадить на участке даже грядку клубники или редиски, словом, полный расцвет демократического фашизма, что так нравится недисциплинированным россиянам.

От этого коттеджного поселка до Центра Мацанюка всего пятнадцать-двадцать минут, но и это еще не все. Главная фишка – в моей однокомнатной нельзя разместить даже пару клеток для мышек, а в коттедже выделю самое огромное помещение под лабораторию, где могу работать когда угодно и сколько угодно, а до постели всего-то несколько шагов в соседнюю комнату.

И вот сегодня я, как говорится, созрел. Автомобиль прет, набрав скорость, я ждал, вижу, с заказами у дизайнеров туго, мужик позвал генерального, вдвоем опасливо поинтересовались, есть ли у меня место, где строить. Я молча переслал им карту всего поселка и моего участка в два гектара размером, который купил вчера так же дистанционно, не выезжая на место.

– Ого, – сказал лохматый с уважением. – У вас размах...

Я ткнул пальцем в один из проектов красивых светлых домиков.

– Вот! Вкусы, как видите, у меня простые, никаких эксклюзивов не требуется.

Он сказал с готовностью:

– Эксклюзивы тоже делаем. Это лишь чуть-чуть дороже...

– Не надо, – отмел я голосом уверенного заказчика, что понастроил таких коттеджей уже сотни по всему свету, и подтвердил отметающим движением длани. – Не для гостей строю, для себя.

– Но вам...

Я заявил генеральским голосом:

– Мне, как Собакевичу, главное – мои удобства.

– Все сделаем!

– Но сделать нужно быстро, – сказал я строго, – я не могу отвлекаться от работы, контролируя, что и как тут у вас строят понаехавшие гастарбайтеры из Европы.

Мужик посмотрел на меня с уважением, как на богатого клиента, но свысока.

– Вижу, вы не в курсе новых технологий. Ахнете, завтра все поставим. А что насчет двора?

– Вон так, – сказал я и указал на один из типовых вариантов. – Никаких выпендрежей и выпендренов!.. Стоянка, беседка, дорожки... В общем, сами смотрите. Гараж всего на два авто.

Он посмотрел с еще большим уважением.

– Хорошо-хорошо... Лишь бы сумели оплатить.

Я загадочно улыбнулся.

– Человека науки не должны интересовать меркантильные вопросы.

Хотя, конечно, пока что интересуют, но скоро, как и любая новизна, уйдут на задний план. Все операции всех клиентов банков вижу по всему миру, могу просчитывать, кто, кому и за что, могу отщипнуть у парагвайской наркомафии десяток миллионов долларов, а след бросить на колумбийский картель – пусть дерутся, и полезно, и приятно смотреть, только некогда.

Хотя, конечно, в моем кругу придется отвечать на вопрос «Откуда?», потому просто принял участие в общеамериканской игре для дураков и домохозяек, прошел четыре отборочных тура, а в финале встретился в самом деле с мужиками, что знают и умеют много, потому победил с минимальным преимуществом, но победил, и приз в семнадцать миллионов долларов был переведен на мой счет.

Автомобиль вылетел на магистраль и еще добавил скорость. Звякнул зуммер, я покосился на экранчик вызова, поморщился. Снова Ингрид... Все-таки сказанное ею засело, на что, видимо, и было рассчитано. Иначе бы дожимала, знаю ее характер, а так забросила зерно и дала ему прорасти, пустить корни и даже высунуть на свет божий листики.

Наверняка ей так посоветовали и даже вручили листок подсказок, что и каким голосом говорить, сейчас без психологов даже в туалет не сходить, потому я снова просмотрел мировые новости, которые раньше отсеивал, как и результаты спортивных матчей и кто кому вдул, хоть в ворота, хоть куда еще.

Но вообще-то она права, раньше было две ядерные державы, сейчас сто сорок, из них пятьдесят четыре тоталитарных, а десяток и вовсе с неустойчивыми режимами. Но, кто не знает, куда хуже с биологическим оружием. И вообще мир вот-вот сорвется в пропасть третьей мировой просто потому, что в мире с каждым месяцем удваивается количество локальных конфликтов, и какой-то обязательно, просто обязательно... Дело только в том, когда и какой, а так да, обязательно.

Все это пронеслось за доли секунды, у меня мозг и тело живут чуть ли не каждый отдельно, я вздохнул и ответил нехотя:

– Связь!.. Да, Ингрид. Да, подумал, хотя и думать нечего. Из вежливости подумал!.. А вот вежливый я, только не по-вашему, строим не хожу...

Она соскочила с экранчика смартфона на большой экран лобового, но не закрыла дорогу, оттуда посмотрела на меня еще злее.

– Люди гибнут, Владимир!.. Ладно, других тебе не жалко, а если взорвут бомбу возле вашего биоцентра? И погибнут твои сотрудники?

– Да, – сказал я с сарказмом, – это козырь. Ты права, мои не входят в восемь миллиардов. В общем, так, Ингрид... Блин, а твое имя мне тоже начинает нравиться. Напоминает хруст кофейных зерен в кофемолке. Кто бы подумал?.. А от этого один шаг и до... Нет-нет, ни за что!..

Она фыркнула:

– Да уж признайся, что влюблен в меня! Потому и придушить жаждется. Это у тебя сублимация такая с перекосом.

– В общем, – сказал я, – никакого отдела мне и даром не надо, как и с большой доплатой тоже. Но проконсультировать могу, у нас все еще страна советов.

Она ответила быстро:

– Выезжаю за тобой.

– Я сейчас на Кутузовском, – сообщил я. – У нас тут швейцарская медаппаратура прибыла, а на нее столько заявок... Сейчас начнем выхватывать друг у друга.

– Адрес?

Я продиктовал, она буркнула:

– Это вообще через десять минут. Можешь начинать дрожать и прятаться. А насчет медоборудования, думаю, ты свое не упустишь.

– Я интеллигент, – напомнил я, – лучше свое отдам, чем чужое возьму.

– Видела, – сказала она угрожающе, – какой ты интеллигент... нового поколения.

– И новой формации, – уточнил я.

Она ответила зябким голосом:

– Вообще ужас.

На склад, что на Кутузовском, привезли последние новинки от Филлипса, я подивился, вроде бы эти новейшие технологии входят в санкционные списки, но еще Геращенко намекал, что у Мацанюка и в Швейцарии свои люди, покупают то, что нужно, а не то, что разрешено, а затем через подставные фирмы вывозят в Россию.

Я для своей лаборатории выдрал новейший компьютерный томограф Ц-34, его только-только в прошлом году начали выпускать в единичных пока экземплярах, во всей Швейцарии пока только два, а к нам только в этой поставке сразу три...

Автомобиль Ингрид остановился в сторонке, она величественно не вышла, а начала выходить, как умеют это только женщины: медленно выдвигая длинную ногу в элегантной туфле на высоком каблуке, но затем пошла в нашу сторону быстро и властно, типа королева-воительница.

Мои коллеги на складе оторопели и распахнули рты. Она одарила их величественно сияющей улыбкой и сказала воркующим голосом:

– Милый, давай я отвезу тебя сама?... И все, что угодно, для тебя сделаю?

– А по дороге? – спросил я.

– И по дороге сделаю, – пообещала она. – Если удержишь руль.

– На этот раз удержу, – пообещал я.

– Смотри, – сказала она, – а то в прошлый раз ты мой «Феррари» всмятку...

Они так и остались с отвисшими челюстями, у кого-то из ослабевших ладоней посыпались коробки, но никто не обратил внимания, смотрят, как эта красотка уводит меня к своему элегантнейшему авто.

– Ну ты и даешь, – сказал я, когда мы уселись и захлопнули дверцы, – обо мне теперь такое начнут говорить...

– Мужчины о себе такие слухи обожают, – ответила она насмешливо. – И сами бензинчика в костер...

– Только для прикола, – ответил я. – А так мы серьезный народ. И стремимся к серьезности.

– Но основа у вас та же? – спросила она с намеком.

– Пока что, – ответил я. – Но мы ее первыми начнем заменять на небиологическую. И без всяких лишних деталей обойдемся, а кайф будем ловить от решения тензорных уравнений седьмого порядка. И созерцания сверхновых в бозонном свете!

– Фу, – сказала она с отвращением, – ты уже чудовище.

– Да, – согласился я с гордостью, – уже готов для перехода в сингуляры. Буду на тебя

оттуда сверху смотреть и поплевывать...

– Что-о?

– Шучу-шучу, – заверил я. – На самом деле челюстно-лицевой аппарат вообще уберу за ненадобностью. А питаться буду кварками.

Автомобиль красиво остановился у подъезда уже знакомого старинного дома. Ингрид замешкалась за рулем, а я вышел первым, обошел машину и открыл для нее дверцу, что она приняла с царственной улыбкой, и я наконец догадался, что задержалась намеренно, давая мне возможность проявить свою доминантность.

Да и как-то не весьма, когда женщина в элегантнейшем платье открывает дверцу мужчине. Другое дело, когда в военной форме, тогда не женщина, как и человек тоже с большой натяжкой.

Мещерский отыскался в своем кабинете, высокий и аристократичный, все в том же безукоризненном английском костюме, аккуратно подстрижен и чисто выбрит, удлиненное лицо лорда полно величия, но строгий и высокомерный взгляд сразу потеплел, а голос прозвучал почти радушно:

– Ингрид, Владимир Алексеевич!.. Как же я рад вас видеть!

Однако в ясном четком голосе мне послышалось лязганье затвора, только Ингрид в ответ улыбнулась достаточно дружелюбно, красивое женское платье диктует стиль поведения.

– Вот, – сказала она. – Упирался, но я в рукопашке его завалила и приволокла...

– Не повредив?

– Малость помяла, – сообщила она. – Потому еще не совсем пришел в себя.

Мещерский протянул мне руку.

– Рад вас видеть, Владимир Алексеевич!.. Вижу, пребывание на юге на вас хорошо подействовало. Загорели, поправились, выправка...

Я ответил на рукопожатие, крепкое и уверенное, возразил с ходу:

– Только не выправка! Слышал, в Управлении прошлись с большим веником?

– И скребком, – подтвердил он. – Присядьте вот здесь... Капитан, вы тоже можете сесть. Разговор без всякого официоза, мы же вполне добрые знакомые.

Но голос его продолжал звучать так, словно он передергивает затвор перед выстрелом, а глаза снова стали холодными, как у рептилии. Хотя, возможно, я придираюсь, иначе он говорить уже не умеет, как и смотреть. Кто знает, как мы сами будем говорить и смотреть, когда начнем все дальше уходить от обезьяны, модернизируя свои тела.

Мы с Ингрид опустили в кресла, что не совсем кресла, само слово «кресло» подразумевает какой-то особенный комфорт, но у Мещерского это всего лишь одизайнеренные стулья, с жестким сиденьем и настраивающие всем видом на работу и только работу.

Он сел напротив, поинтересовался:

– Кофе?

Ингрид дисциплинированно промолчала, но я здесь не работаю, не подчинен, ответил легко:

– Если не разорит Управление. Как можно о чем-то говорить без кофе?

Мещерский кивнул, сказал деловым тоном:

– Я в курсе, что вы против работы у нас, такое предсказать нетрудно. Все брезгают общаться даже с милицией, хотя и понимают, что без нее на улицах царили бы разбой и хаос.

А без тайных служб хаос был бы на всех уровнях.

Я ответил вежливо:

– Однако любое общество устроено так, что человек с высоким уровнем ай-кью занимается наукой, с невысоким – политикой, а с самым низким – подсобными работами и укладкой асфальта на дорогах.

Он кивнул.

– Кто спорит? Если нарушить эту систему, такое общество рухнет. Его тут же поглотят более четко структурированные соседи.

В кабинет вошла женщина в строгом деловом костюме, в руках поднос и три чашки кофе, а еще и широкое блюдо с горкой печенья. Это пусть на Западе пьют просто кофе, да еще без сахара, а мы не понимаем, как можно к нему приступить, если в другой руке нет тонкого ломтика хлеба с толстым куском сала, свисающего с обеих сторон почти до пола.

Печенье, понятно, уступка тлетворному влиянию Запада, хотя салу это совсем уж хилая замена, ну да ладно, будем европеизироваться постепенно, одновременно русифицируя Европу и какие-то страны и народы по ту сторону океана.

Ингрид, похоже, чуточку робеет под холодным взглядом Мещерского, а его безукоризненная выправка кадрового военного в десятом поколении производит на нее такое впечатление, словно видит самого генералиссимуса.

Мещерский поднял чашку, взглянул поверх нее на меня в упор.

– Вы не просто справились! Вы отразили и те угрозы, которых мы не ожидали.

– Просто повезло, – ответил я с той скромностью, что паче.

– Ваш потенциал недооценен, – произнес он. – Даже очень недооценен.

Ингрид встала язвительно, передо мной она точно не робеет:

– Это он на мышках натренировался. Так он вообще герой.

– После вашего возвращения, – сказал Мещерский, – мы проверили вашу кандидатуру, начиная, как вы сами говорите, от сперматозоида, который оказался самым шустрым среди трехсот миллионов ему подобных. На сегодняшний день вам прочат прекрасное будущее как ученому, с чем мы вполне согласны, у вас для этого есть все данные... Однако мы решаемся предложить вам работу намного более важную.

Я сделал глоток, кофе изумительный, явно у короля Саудовской Аравии выкрали, хорошо разведка работает, приподнял в изумлении брови.

– Еще более важную, чем достижение бессмертия?

Он чуть наклонился вперед, всматриваясь в мое лицо.

– В мире три с половиной тысячи лабораторий, в которых работают над проблемой антиэйджинга!

– Точно, – согласился я. – Прекрасный кофе.

– А проблема антиэйджинга, – сказал он с нажимом, – как мы знаем тоже, плавно переходит в проблему достижения бессмертия. Заняты этим делом сотни тысяч прекрасных талантливых ученых.

– И что? – спросил я. – Чем нас больше, тем скорее решим проблему.

Он вздохнул.

– Вы правы. Но я не сказал еще о нашей работе.

– Слушаю. Хотя я уверен, моя работа все равно весомее.

– Ваша весомее, – согласился он, – а наша важнее. Позвольте, я расскажу о ней чуть подробнее...

Ингрид проронила с горечью:

– Может статься, что бессмертия никто не достигнет. Просто не успеет.

– Ого, – сказал я. – Это серьезно. Простите, серьезно в том смысле, что уже и до вас дошло... Не в простонародном смысле, а что такое понимание достигло ваших кабинетов.

Он всмотрелся в мое лицо.

– Вы знали?

– О глобальных рисках? – переспросил я. – Разумеется. Странно, что и вы узнали. Дело в самом деле настолько плохо?

– Беда в том, – сказал он, – что эти риски стремительно нарастают. Или разрастаются. Я уже не говорю о самом простом, что знают даже обыватели, что раньше в мире атомные бомбы были только в США и у России, а сейчас сто сорок стран имеют ядерное оружие, еще семьдесят или больше на грани его создания, а это значит, что только чудом террористы еще не бегают с атомными бомбами.

Ингрид подхрюкнула лъстиво:

– Все верно говорите, Аркадий Валентинович! Возможно, как раз сейчас устанавливают в доме напротив. Пол-Москвы снесет сразу, а вторую половину превратит в руины.

Мещерский кивнул с надлежащей благосклонностью.

– Верно, но это самое простое. Есть угрозы пострашнее. К примеру, как вы сами лучше меня знаете, модифицированный вирус может стереть с лица Земли все человечество...

Я пробормотал:

– О глобальных рисках я знаю. А вы что, решили их... предотвращать?

Он кивнул.

– Сейчас в западных странах развивается NanoBioInfoCogno, вы должны знать, что это. Только в Штатах двадцать восемь мозговых центров анализируют сценарии развития хай-тека, а также биотехнологий. В первую очередь на предмет рисков катастроф.

Я поинтересовался:

– Россия обычно отстает... но не настолько же?

Он вздохнул.

– Вы правы, у нас есть такой центр. В отличие от Запада, где силы распылены по странам и даже континентам, у нас все собрано в одном месте.

– Преимущество нашей авторитарной системы, – сказал я. – Так что вас не устраивает?

Он помолчал, я чувствовал, что ему очень хочется скривить рожу, но воспитание не позволяет, и он произнес так же холодно и ровно:

– Там хорошие и ответственные люди. Даже хорошие ученые. Я как-то зашел на одно собрание и послушал, как бурно обсуждали парниковый эффект, который через пару сот лет может чем-то как-то навредить. Посмотрел в файле, над чем работают...

– И что же?

– Опасность падения огромного астероида, взрыв сверхновой звезды, что жестким излучением сотрет и все на Земле, сверхвспышка на Солнце, извержение сверхвулканов типа Йеллоунстоунского и множество вселенских катастроф, на которые мы никак повлиять не можем...

– Понял, – сказал я. – Так создайте второй Центр. И соберите в нем специалистов, которые займутся не тем, что грозит через сто лет, а сегодня-завтра. И которые необходимо успеть предотвратить.

Ингрид тяжело вздохнула. Мещерский проговорил медленно:

– Владимир Алексеевич, вы сказали именно то, что мы и хотим предложить вам.

В кабинет вошел с гигантским планшетом в руке второй аристократ, еще более джентльменистый, чем сам Мещерский, это значит, званием и положением ниже, безукоризненный от короткой прически до кончиков туфель коричневого цвета.

Мещерский кивнул в его сторону.

– Один из моих помощников, майор Бронник. Бронник Лаврентий Петрович!.. Не Павлович, не путайте, это его почему-то обижают... хотя никак не пойму почему.

Я не купился и не стал объяснять, почему, а сам Бронник лишь движением бровей выразил неудовольствие, лицо оставалось неподвижно внимательным и бесстрастным.

– Вас не представляю, – продолжал Мещерский, – он вас знает... по крайней мере имена. И то, во что мы хотим вас втянуть. Лаврентий Петрович... кстати, сядьте поближе.

Майор сел между Мещерским и мной, опустил на стол планшет, тонкий и гибкий, на экране сразу появился график.

Ингрид сидит тихая, как мышь, всего лишь капитан, но я доктор наук, это что-то типа тайного советника со звездой и лентой через плечо, так что благоговения не испытываю, что и правильно, наука превыше всего, а ученые – высшая раса.

Бронник произнес серьезным интеллигентным голосом:

– Самые лучшие умы должны быть в науке, это несомненно. Это гарантирует и выживаемость нашей цивилизации, и ее прогресс. Но сейчас сложилась уникальная ситуация...

Я спросил с интересом:

– Да ну? Лучшие умы должны быть в полиции?

Он покачал головой.

– Все обострилось. Правоохранительные структуры вынуждены бороться не с мелкими и даже крупными преступниками, как было всегда, но... и с самими учеными.

Я насторожился, сказал с прохладцей:

– Простите, мне как-то не нравится сам этот тон. И настрой. С наукой пусть борются попы, религиозные фанатики, террористы и всякие полупомешанные правозащитные бабки.

Мещерский сказал осторожно:

– Простите, вы не в курсе...

– Так введите, – ответил я сдержанно, – но предупреждаю, я – человек науки. Моя помощь была разовой. Ваше отношение к науке не разделяю.

– Помогли дважды, – подсказал Мещерский, – и оба раза просто неоценимо.

– Пусть дважды, – ответил я нехотя. – Но я не работаю у вас.

Бронник сказал со вздохом и терпеливостью:

– Позвольте мне. Всего сто лет тому вся наука была сосредоточена в Европе. Более того, в одной-единственной стране, Германии. Вам трудно поверить, но тогда Германия считалась страной ученых, Франция – моды, а Штаты – техников. В период между Первой и Второй мировыми войнами Штаты получили большой приток ученых из Европы, что бежали от призрака близкой войны, потом еще больше ученых вывезли из разоренной Европы после Второй мировой... и что получилось? Да, два супергиганта с ядерным оружием. Но это тогда всего два. Сейчас же и ядерное оружие уже в ста двадцати странах, что, согласитесь, не придает миру стабильности, но еще более страшно, что научно-исследовательские центры, оснащенные по последнему слову техники, возникли буквально в каждой развитой и недоразвитой стране!

– Это же хорошо, – сказал я. – Сто ученых лучше, чем один, а сто тысяч лучше, чем тысяча.

Мещерский промолчал, а Бронник покачал головой, взгляд его не отпуская моего лица.

– Это в идеале. Но вот вы знаете ли, что делается за железным занавесом в Северной Корее?

Я вздохнул.

– Да что вам далась эта Северная Корея?

– Просто самый навязший в зубах пример, – согласился он. – Сейчас таких корей сотни по свету. С тысячами лабораторий, где то ли новую чуму создают, то ли серую слизь...

Я ощутил неприятный холодок во внутренностях. Бронник внимательно следил за моим

лицом.

– Улавливаете?

– Да, – буркнул я.

– Сложилась ситуация, – пояснил он, – когда глобальные угрозы миру возникают сразу в сотне мест планеты. А чтобы бороться с ними, увы, уже недостаточно ни ЦРУ, ни ФБР, ни МИ-шесть. Во-первых, угроз слишком много. Во-вторых, они зачастую в закрытых государствах. Или в закрытых для посторонних зонах. А в-третьих, что самое неприятное, такие центры находятся под охраной самого правительства тех стран. Пусть не всегда гласной, но как вы понимаете, правительство может обеспечить такую охрану, через которую никакое ЦРУ не переберется.

– КГБ бы перебралось, – буркнул я.

Он кивнул.

– Согласен, КГБ действовало решительно, ветераны ЦРУ и других разведок всегда им завидовали. Но сейчас КГБ нет, а ФСБ такая же бюрократическая структура, как и ЦРУ, ФБР, АНБ и прочие погрязшие в бумагах и взаимных интригах организации. Скажу честно, у нас нет адекватного ответа на быстро возникающие угрозы.

Мещерский вставил:

– Не России угрозы, Штатам или кому-то еще, а всему человечеству.

Я пробормотал:

– Кому вы говорите? Лучше вас знаю. И что... вы те ребята, что беретесь противостоять глобальным угрозам? Не смешите.

Ингрид метнула на меня злой взгляд, я и сам ощутил, что перегнул, но к военным у меня инстинктивная неприязнь, пусть и в гражданских костюмах. Трудно выдавливать из себя это глупо-детское, когда пираты и разбойники – это хорошо и романтично, а стражи порядка – гады и приспешники кровавого режима.

Мещерский и Бронник переглянулись, вид у Бронника стал таким, что надо ли с ним спорить и переубеждать, яйцеголовые считают себя умнее всех на свете, к силовым структурам относятся так же, как писатели и грузчики, дескать, тупые громилы, душителю свобод и те сволочи, что не разрешают орать на улице веселые песни в три часа ночи.

Бронник продолжил сдержанно:

– Есть глобальные угрозы, которые создает природа, например, землетрясение, цунами или бабахнет астероид... Да, там мы сделать ничего не можем. Но если угрозы создают люди, то... мы ведь тоже люди?

Я покачал головой.

– За всеми не набегаешься. Все верно, совсем недавно страной науки считалась Германия. Но сейчас в одном Китае научно-исследовательских центров больше, чем в Германии, Франции... и вообще во всей Европе!.. Даже в Иране больше, чем в Германии и Франции, вместе взятых. И уровень исследований выше, чем в Германии, что совсем позор... И что вы можете сделать?

Он взглянул на меня с осторожностью во взгляде.

– Теперь могу сказать, сделать что-то можем. Есть идея насчет создания ГКЧП. По предотвращению глобальных рисков. Организация с чрезвычайными полномочиями. Подчеркиваю, чрезвычайными.

Мещерский кашлянул, сказал, словно извиняясь за коллегу званием ниже, чьи слова по молодости могут показаться бахвальством:

– Пока да. Потом, конечно, бюрократы постараются нам подрезать крылья.

– А мы не дадим, – добавил Бронник, я посмотрел на него чуточку иначе, сперва показался простой доской в заборе, которых не отличить одну от другой.

– Но когда это случится, – продолжил Мещерский, – мы можем показать себя во всей мощи. Понятно, в это отделение будем набирать людей экстра-класса, так что придется отбиваться от желающих...

Я кивнул.

– Намекаете, что кто не успел, тот опоздал? Уж простите, но за меня не витийствуйте. Я точно не пойду на улицу просить милостыню.

– Мы помним, – сказал он мягко, – что вы доктор наук и прекрасный специалист и, конечно, без работы не останетесь. Но здесь вы можете сделать больше!.. Для людей. Мы наблюдали, как вы, впервые участвуя в таких операциях... скажем прямо, далеких от научного поиска, сумели взять на себя лидерство, принимали решения на свой страх и риск и обе довели до конца. Часто вопреки тому, что вам говорили.

Я пробормотал:

– Польщен.

– В самом деле, – сказал Мещерский мягко, но твердо, – никто же не требует, чтобы вы оставили свою работу!.. Но в вашем Центре Мацанюка ее могут делать и другие. А здесь у нас вы пока первый. Можно с прописной.

Я работал с мышками, когда пришел вызов от Синтии. В сердце кольнуло, моя невеста уже не моя невеста, знаю, но все равно чувство потери и горечи где-то засело, как в капсуле, молчит, когда не вспоминаешь, а так всякий раз остается некий саднящий след.

– Да, Синтия, – ответил я.

Ее лицо появилось на головном экране, молодое и яркое, с туго натянутой кожей, ни намек на морщинки, глаза крупные и сияющие весельем и счастьем, что так нравится мужчинам и даже женщинам. Все любим людей довольных, что не будут грузить нас своими проблемами.

– Привет, – сказала она. – А-а, ты, как всегда, со своими мышками... Слушай, чего не сказал, что затеваешь такую грандиозную стройку?.. У нас такой ажиотаж!.. Говорят, ты поставил условие построить целый дворец за одни сутки?

– Есть такое, – согласился я. – Правда, не сказал насчет суток, я же не знаю ваши нормы, просто пожелал самые краткие сроки. А что, не укладываются?

Она мило наморщила нос.

– Говорят, уложатся. А чего вдруг решил ближе к природе? На тебя не похоже!

– Да ерунда, – ответил я с неловкостью. – Не к природе, а, напротив, к работе. И мышкам нужен простор. Перенесу клетки домой, устрою дорожку, чтобы из комнаты в комнату бегали, сердце и лапки тренировали. Хочу, чтобы мне и мышкам было удобно. У меня работа такая, могу и удаленно, зато уютно.

Она ахнула:

– Просто уютно? В полторы тысячи квадратных метров?

– Так у меня же могут остановиться друзья, – сказал я. – Чтоб было где расположиться и на ночь, купаться в бассейне, и в тренажерном зале...

– А зачем тебе два бильярдных зала?

– Не знаю, – ответил я. – Наверное, так в типовом проекте? Не задумывался. Правда, там эта, как ее... Валентина, такая черненькая с ушами, взялась доделать по моим замечаниям. И

парни, тот лохматый и остальные...

Синтия сказала быстро:

– Давай я тогда возьмусь за твой проект двора и расположения сада!.. Я куда креативнее!

Я ощутил в ее голосе настойчивое желание выдрать из слабых рук Валентины проект дома, ответил с ноткой неловкости:

– Уже не могу. Она взялась за работу, так что это ее заботы.

– Ох, – повторила она, – она совсем не креативная...

– А я совсем не капризный, – ответил я, – и не привередливый. Как сделает, так сделает.

Спасибо, что позвонила. Я ценю.

Она покачала головой, не отрывая от моего лица взгляда сияющих и таких прекрасно лучистых глаз.

– Жаль... не успела такой шикарный заказ перехватить!.. А как именно двор будешь благоустраивать? У тебя там такие уголья, с ума сойти...

– Да как-то буду, – ответил я и сказал поспешно, – эти же парни и предложили все сделать во дворе так же быстро. Построят гостевой домик, беседки, посадят деревья... Неважно, двор меня не интересует.

– Ой, – сказала она с упреком, – я бы тебе такой замечательный сад обустроила! Ты же знаешь, вкус у меня есть... И мои проекты всегда получали высшие баллы...

В ее голосе пряталось что-то еще, я ощутил, что моя воля начинает плавиться, как кусок сахара в горячей воде, скосил глаза в сторону и сказал поспешно:

– Ой, прости, спешно вызывают на самый верх. Что-то случилось, наверное...

– Беги, – сказала она и добавила вдогонку поощрительным голосом: – Звони.

За строительством коттеджа пришлось наблюдать удаленно, не люблю оставлять работу ради всякой ерунды, но все получилось даже лучше, чем ожидал.

В старину такие коттеджи строились по несколько лет, правда, тогда назывались именами или усадьбами, потом их начали возводить за месяц-другой, а теперь на другой день после заказа привезли части уже собранного на заводе дома, за час составили в единое целое, еще два часа ушло на внутреннюю и внешнюю отделку, после чего торжественно вручили мне ключ.

Никакого строительного принтера, конкурирующие технологии то и дело вырываются вперед, бригады по дизайну участка тоже провозились не дольше рабочего дня. Деревья привезли уже взрослые, хоть и не старые, вкопали, полили, посыпали подкормку, чтобы ничто не засохло и даже не болело, сделали клумбы и проложили из брусчатки изящные дорожки.

Как простые и вечно запаздывающие в развитии люди не понимают, мелькнула мысль, квартирный вопрос уже давно потерял остроту, а большой дом нужен только для того, чтобы мои мышки были всегда под моим присмотром, и даже среди ночи смогу встать и полюбоваться на них, дать лакомство, погладить, сказать «ахбоземой» и почесать пузики.

В тот же день ближе к вечеру позвонила Катенька, я с наслаждением всмотрелся в ее сияющее счастьем лицо.

– Володя, – пропищала она сладеньким голоском, – мы с Андреем решили запланировать ребенка!

– Поздравляю...

– Потому перевели временный брак в официальный!

– Поздравляю еще раз, – сказал я с грустью. – Рад за тебя... и жалею всех, кто тебя

нежно и преданно любит...

Она вспискнула:

– Володя, замолчи!.. Мне самой так неловко!.. Даже как-то нехорошо, как будто кого-то предаю. Но не могу же выйти за троих сразу?.. Хотя я не против, люблю мужчин, но мама у меня строгая, говорит, спать могу с кем угодно, а вот муж должен быть один!.. Не понимаю, почему так, но я ей верю, она такая правильная... И бабушка твердит то же самое!

Я сказал со вздохом:

– Мы всегда считаем себя умнее родителей, но потом оказывается, что они все-таки были правы... А ты, умница, уже понимаешь сразу.

– Когда вернешься с работы? – спросила она деловито. – Заскочу попрощаться.

– Сейчас могу, – ответил я поспешно. – А ты?

– Только через два часа.

– Записывай адрес, – сказал я. – Я теперь живу недалеко от нашего Центра.

– Хорошо, – щебетнула она счастливым голоском, – заодно поздравлю с новосельем!

Я поработал еще час, на завтра закажу грузовик – надо перевезти основную часть клеток с мышками в коттедж, заодно и кое-какую мелкую аппаратуру. Крупную Геращенко не отдаст, ею все пользуются, но я уже наметил вариант, как заказать кое-какие новинки медицинского хай-тека прямо на дом. Бизнесу все равно, кому продавать, лишь бы платили.

Со стены раздались гневные голоса, я не стал оглядываться, конфликты в моем виртуальном городке возникают ничуть не реже, чем в жизни. В онлайн-овые я начал снова баймить, когда ввели возможность давать список заданий персу и программировать развитие его характера. Сегодня я велел ему накрафтить мебели в сад, накормить животных в загонах, вырубить лишний лес и отвезти товары в Гирарт, Зеленые Скалы и Город Молчаливых, а на обратном пути заглянуть на аукцион и попробовать сторговать сапоги высшего левла не дороже сотни голды.

А еще чтобы зашел к Крионтильде, поддержал отношения, но без занятий сексом, не хочу такое пропустить, а то вдруг сама захочет ускорить события, кто знает, насколько хитрее меня окажется интеллект моего перса...

Автомобильчик Катеньки, нарядный такой стильный «жучок», показался вдали на дороге, у которой с обеих сторон пока что чистое поле, потом застроят коттеджами, я тут же велел воротам открыться, пусть издали видит, где именно ее ждут.

Она въехала осторожно, словно не веря, туда ли попала. Я вышел на крыльцо, автомобильчик остановился, а Катенька выбежала со счастливым визгом:

– Как у тебя красиво!.. Поздравляю!..

Совершенно не меркантильная душа, подумалось мне со щемом, чудо с распахнутыми глазами, чистейшее существо, что у нас за косный мир, такая радость не должна принадлежать только одному мужчине, пережиток диких времен, мы все еще питекантропы... А если и одному, то только мне.

Она с визгом бросилась на шею, радостная, что я такой богатый, но сразу же всмотрелась в меня и заявила обвиняюще:

– Ты даже выше ростом стал!.. И какой сильный... У тебя руки как не знаю что. Тьфу-тьфу, ты же выздоровел!

– Не сглазь, – предупредил я, – а то я такой чувствительный, что начну хиреть снова. Пойдем в дом, внутри тоже неплохо.

Внутри да, дизайнеры постарались, я только одну комнату, самую большую, велел не трогать, там сам завтра-послезавтра размещу медаппаратуру и своих родненьких мышек.

Переступив порог, она снова завизжала счастливо:

– Как у тебя красиво!.. Нет, прекрасно!.. Волшебное!.. Володенька, у тебя есть вкус!

– Еще бы, – ответил я и поцеловал ее в макушку. – Еще бы...

Этот ребенок ликует совершенно искренне, никакой зависти, совершенно не интересуется, сколько это стоит, живет как веселая птичка божья, как же все мы ее обожаем, такое счастливое и радостное существо...

Я торопливо расставил по столу тарелки, пока она плещется в роскошной ванной. Дизайнеры перемудрили, я такую не заказывал, хотя и не указывал, какую именно, просто на их усмотрение, единственное требование: никакой старины, только хай-тек, вот и отгрохали как сам коттедж, так и внутри сделали все по высшему классу, управление где жестами, а где

и вовсе голосом.

Наконец она вышла, уже с сухими волосами, чистенькая, как рыбка в горном ручье, сказала чирикающим голосом:

– Как у тебя здорово... А это чем пахнет?

– Сперва попробуй, – сказал я. – Потому скажу.

Она поспешно побежала и села за стол, смешно потянула носом, улавливая запахи от тарелок.

– Даже пахнет необыкновенно вкусно!.. Нет, это не комплимент, ты же сам знаешь!.. Как ты это делаешь?

Я сказал благодушно:

– Вкусы любимого пета обязан знать каждый мужчина.

– Наверное, – предположила она страшным шепотом, – какой-то наркотик подмешиваешь? Ты же химик!

– Ломки нет? – поинтересовался я. – Значит, не наркотик, а что-то еще страшнее.

Она сладострастно чавкала, как ежик у блюдечка, закрывала от наслаждения глаза, потом испуганно распахивала во всю ширь, большие и обвиняющие.

– Дашь рецепт?.. Или пожадничает?

– Дам, – пообещал я. – Хотя я и жадина. Ничего, если в химических формулах?

Она не поняла, кивнула, счастливая, что не зажал какую-то особенную рецептуру.

– Да как угодно!

– Хорошо, – сказал я, пряча усмешку.

На самом деле обед приготовил принтер, а лакомость достигнута просто: анализ крови Катеньки и особенности ее желудочно-кишечного тракта, с какой скоростью вырабатываются какие гормоны в ее тельце, о которых она не имеет понятия, но я знаю, и потому все так дивно лакомо и легко усваивается, даже если пища «тяжелая».

Когда-то домашние принтеры так и будут готовить пищу – с учетом особенностей организма хозяина, если, конечно, их отключить от всемирной сети, а то начнут готовить только «здоровую пищу», как моя пятая колонна в виде туповатого кофейного аппарата, что по-прежнему требует подключения к сети, чтобы выполнять приказы госдепа, а не мои, хотя я его хозяин, глобалист чертов.

Она осталась у меня на ночь, и сколько я к ней ни присматривался, этот исполинский участок и громадный дом совершенно не изменили ее отношения, по-прежнему любит меня верно и нежно, ну такая вот замечательная, ее все любят и обожают, а она верно и преданно любит троих или четверых хороших и любящих ее мужчин, ну что за нелепая жизнь, когда приходится выбирать одного, это же точно огорчит остальных...

Утром раздался приглушенный, но требовательный сигнал вызова, я вывел на большой экран лицо Ингрид, собранная и деловая, глаза строгие, заявила с ходу:

– Собирайся. Нас ждут.

Я оглянулся на дверь ванной, Катенька снова убежала туда, там целый бассейн, хоть и не такой огромный, как во дворе, донесся ее счастливый визг, точно снова коснулась не того сенсора и получила струю воды с той стороны, откуда не ждала.

– Погоди-погоди, – сказал я чуточку ошарашенно. – Во-первых, я у вас не работаю, так что не надо вот это такое вот... Во-вторых, у меня свои причуды, как у человека творческого от науки. И мои мышки без меня заскучают, что может отразиться на продолжительности их жизни и составе плазмы.

Она буркнула:

– Ты разве ядерщик?

– С чего... ах вот почему! Ингрид, плазма бывает еще и плазмой крови.

Она сказала сердито:

– Никогда не понимаю, когда говоришь серьезно.

– Я всегда серьезен!

– Где тебя встретить? – спросила она.

Я сказал сердито:

– А кто сказал, что я куда-то собираюсь?

– Через час у твоего мацанючного Центра, хорошо?.. Он там еще и ресторан прикупил, чтобы сотрудники обедать бегали, да?

– Все знаешь, – ответил я. – Вижу, контрразведка не спит, как и госдеп. Хорошо, поговорим потом.

Она сказала саркастически:

– А я думала, профессоры этим не увлекаются. Там в ванной у тебя две или три визгуши?

– Одна, – заверил я. – Но и одной бывает...

– Ты чего? – спросила она насмешливо. – Сейчас это не в тренде.

– Одна, – заверил я, – да и ту ты знаешь.

– Маленькая женщина до старости щенок?

– Она, – ответил я, – хотя у нее старость никогда не наступит.

– Эй-эй, – сказала она, – не убивай ее так рано!.. В общем, через час, жду.

– Где?

– А где тебя еще можно перехватить? Возле въезда в комплекс Мацанюка. Хотя бы раз попался в ночном клубе.

Катенька вышла хохочущая, ванна у меня в самом деле может рассмешить наворотами, но сказала тут же рассудительно:

– Надеюсь, сегодня была удачная ночь для зачатия. Больше таблетки не принимаю, бабушка говорит, пора заводить ребенка. Надо бы для перестраховки заехать к Игорю Твердиславовичу, он такой умный и красивый... Чем это пахнет на кухне?

– Сейчас проверим, – ответил я. – Заодно узнаем, может ли абсолютно здоровая пища быть абсолютно вкусной?

Спорткар Ингрид я заметил издали, в самом деле ждет, надо же, но все равно как-то не нравится, когда от меня ждет нечто не Ричард Стоунбридж, лауреат Нобелевской премии по нейрофизиологии и Глава медицинской корпорации биологических технологий, а чин из ГРУ.

Она вышла из машины навстречу, красивая, но строгая, сказала деловито:

– Машину оставь, отсюда не уведут, Мацанюк вас охраняет лучше, чем мы президентов, а я отвезу тебя к месту и введу под белые ручки.

– Куда введешь?

– В хоромы, – пообещала она. – Не царские, да и кому теперь те цари нужны? Разве что англичанам, все еще не понимают, как напыщенно смешны со своей королевой и ее титулами...

Домчала она быстро, а когда я переступил порог на этот раз не кабинета Мещерского, а небольшого зала на том же этаже, оставив ее в коридоре, в глазах зарябило от генеральских

мундиров, больших золотых звезд на погонах, а еще исполненных величия лиц.

Зал небольшой, стулья в три ряда, это значит, всего пятнадцать человек, плюс Мещерский и Бронник за отдельным столом, еще один человек в строгом гражданском костюме от хорошего портного у стены, что превращена в огромный экран с помощью составленных воедино дисплеев.

Мещерский молча указал мне на свободное место в переднем ряду с краю. Ощущение такое, что просчитали мои реакции, или Ингрид клятвенно заверила руководство, что приведет, как бычка на веревочке.

Я осторожно сел, в самом деле в зале чувствуется аура власти. Это не первые лица страны, но по их рекомендациям огромные армии снимаются с места, корабли выходят в патрулирование берегов Америки, а подводные лодки берут на ракетно-ядерный прицел Вашингтон, Брюссель и Нью-Йорк.

Докладчик очень сдержанно рассказывал об американских базах, что окружили Россию со всех сторон, и хотя после йеменского конфликта оттуда вывезли все наступательное оружие и демонтировали ПВО, но военные специалисты остались, и чем они там занимаются в обстановке, что стала еще более секретной, нам пока неясно...

– Есть предположение, – закончил он, – что туда вынесены лаборатории, работа в которых на территории Штатов запрещена. А на этих базах эксперименты продолжаются.

Один из генералов из переднего ряда сказал веско:

– С вашего позволения, это не предположения, а факт. А предположение, что там уже могли наладить производство чего-то нехорошего. Начиная от нового вида наркотиков, заканчивая мощным и опасным оружием. А так как эти рядом с нашими границами, то не надо объяснять, против кого направлено.

Мещерский, как вижу, сам для себя делает пометки на планшете, хотя, конечно, все пишется вон камерами, а потом аналитики будут не только слушать, но и смотреть, кто в зале как реагировал и что кому говорил.

Когда обсуждение начало не то что заходить в тупик, но начали повторяться, Мещерский поднялся, сказал внушающим голосом:

– Кстати, мы пригласили на обсуждение эксперта по вопросам безопасности. Профессор Лавронов Владимир Алексеевич, доктор наук, автор многих работ мирового уровня. Ряд товарищей пытается перетащить профессора Лавронова на работу непосредственно в наше ведомство... Владимир Алексеевич, хотелось бы услышать ваше мнение по поводу услышанного!

Я по взмаху его царственной длани поднялся, все-таки чувствую себя малость не в своей тарелке, сколько бы ни твердил себе, что я без пяти минут сингуляр и должен на военных смотреть, как высокоорганизованная овца на трилобитов.

– Простите мою неловкость, – сказал я, – но таких профессоров у нас в исследовательском центре на каждом шагу на рупь кучка. Лаборантов меньше. Да и нужнее они, как иногда кажется. Я слушал внимательно, скажу сразу, что идея насчет создания более мобильного Центра даже запоздала, настолько она нужна. Это я как эксперт, хотя эксперт из меня неважный...

Лица в зале заметно подобрели, что и понятно – все доминанты, а я сразу в позу чемоданчика, выказываю субдоминантность, так что слушать будут без инстинктивного отторжения.

Мещерский сказал настойчиво:

– Владимир Алексеевич, хотелось бы выслушать ваши предложения.

– Увы, – ответил я. – Сейчас главная угроза – вовсе не теракты. Во всяком случае, не то, что вы имеете в виду под терактами. Сейчас очень быстро растут глобальные риски другого порядка.

Он посмотрел на меня пристально.

– Да, мы знаем. Распространение ядерных технологий, опасность химического оружия...

Я покачал головой.

– Как ни странно вам это услышать, но это самые безобидные.

Один из генералов в переднем ряду, толстый и с такой красной мордой, что вот-вот лопнет, сказал негодуя:

– Безобидные?

– Ядерное оружие, – напомнил я, – раньше было только в Штатах и России, а теперь в ста сорока странах, как вы наверняка знаете. К тому же технологии изготовления упрощаются и удешевляются, так что да, ими могут завладеть и страны с непрочными режимами, а оттуда попасть к террористам. Однако изготовить даже простейший атомный заряд все еще дорого и непросто.

Мещерский поинтересовался:

– Продолжайте. Хотите предложить более тщательный контроль над распространением?

Я покачал головой.

– Это было бы слишком мелко и на уровне прошлого века. Говорят, военные всегда готовятся к прошлой войне?.. Генерал, как ваше великолепное и оснащенное новейшими ракетами ПВО собьет модифицированный вирус гриппа, что пересекает границу с воздушными потоками, ветрами?..

Он поморщился.

– Вирус гриппа?.. А при чем здесь...

– Сейчас, – объяснил я, – вошло в моду покупать генномодифицированных собак. В Китае это дело поставили на поток. Сперва там вырезали ген, что останавливает наращивание мышечной массы, собаки вырастают вдвое крупнее, мускулистее, крепче и даже здоровее, сейчас начали модифицировать и слух, нюх, чтобы лучше находили наркотики и взрывчатку... Хорошо? Безусловно. Но модифицировать простейший вирус и сделать его смертельным намного проще, чем отыскать ген в таком сложном организме, как собачий!.. Сейчас это делают в научно-исследовательском центре, завтра – в районных поликлиниках, а через полгода смогут дома на коленке.

Остальные слушают внимательно, кое-кто двигает пальцами по поверхности экранов планшетов, я даже вижу, какие указания дают помощникам и своим штабам, но генерал набычился, проговорил тяжелым голосом:

– Хотите сказать, паршивый вирус можно изготовить вот так просто?

– В подвале на коленке, – заверил я, – запросто. Смертоносный! Для этого нужно взять, к примеру, вирус гриппа и заменить один-единственный ген, что сделает его смертельным!

Мещерский сказал с недоверием:

– Но насколько это реально?

– Даже слишком, – сказал я. – Никто этого пока что не сделал лишь потому, что не умели. Сейчас умеют. Повторяю, для этого не требуется дорогостоящее оборудование, как для изготовления ядерного заряда. Нужно только научиться вырезать определенный ген... И

заменять его другим! Раньше не умел никто, сегодня умеют три-четыре человека в мире, а через месяц таких умельцев будет несколько тысяч!.. Инструкция, как это делать любителям дома, появится в Интернете, а в магазинах будут пользоваться спросом наборы «Сделай сам червяка». Через полгода изготовленных дома вирусов будут миллионы. И кто-то из таких любителей домашнего творчества обязательно... вы же понимаете...

Мещерский потемнел лицом.

– Дураков много. Даже ученых. Кому жизнь стала не мила, кого-то жена бросила...

Еще один из генералов, старый, седовласый и очень важный, пробормотал с неудовольствием:

– Насколько это... опасно на самом деле? Атомную бомбу создали и даже применили семьдесят пять лет назад! И ничего, никто уже не дрожит от ужаса. Так и с вирусами...

– Генерал, – сказал я, – атомная бомба с того времени так и не подешевела. Ну, заметно. На расшифровку генома человека потратили десять лет и шесть миллиардов долларов. Сейчас за тысячу долларов можете заказать расшифровку собственного генома, сделают это вам за три дня. С атомной бомбой, к счастью, такого прогресса не было, иначе вся планета была бы уничтожена. Предполагается, что к концу этого года расшифровка генокода будет стоить сто долларов, а в следующем году эту работу возьмет на себя ваш мобильник.

Он громко фыркнул.

– И что?

– Опасность в том, – сказал я терпеливо, – что для редактирования вирусов не требуется даже медицинского образования. Да-да, скачал пару статей из инета – и можешь играть в бога в домашней мастерской, что обошлась в месячную зарплату рядового инженера. И вирус в ней можно создать такой, что уничтожит все человечество!

В общем, чтобы не отнимать ваше высокое внимание и лишнее время, я предлагаю подумать над созданием некой структуры, вы уж сами подумайте, что и какая будет, которая занималась бы отслеживанием глобальных катастроф... именно глобальных и именно рукотворных!.. и пресекала бы их в корне.

Генерал поинтересовался мрачно:

– Атомное оружие, вирусы... а что еще?.. Если уж глобальных?

Я невесело улыбнулся.

– Генерал, я вам испорчу день, если перечислю все.

– Тогда хотя бы десяток, – сказал он почти враждебно.

– Ловите, – сказал я. – Первое – биопринтеры, которые уже появились в продаже, но пока еще делают первые шаги. Они дешевы и будут дешеветь еще. Будут в каждом доме и в каждой квартире. Контроля за ними нет, согласны?.. Можно делать любой смертоносный вирус, а для туповатых в инете уже есть тысячи инструкций, как сделать смертельный вирус легко и просто. Да-да, по инструкции вирус испанки может сделать любой школьник. Уже не говорю, что с помощью биопринтеров можно создавать мощнейшие наркотики, от которых излечиться невозможно...

Рядом с генералом Кременевым вскочил другой, сухощавый, с желтым желчным лицом.

– Это все только от биопринтера?.. Я же говорил, сперва изобретаем, а потом думаем, что изобрели!.. Погодите-погодите перечислять! Скажите, что у нас делается, чтобы... предотвратить опасность хотя бы от этих биопринтеров?

– Ничего, – ответил я хладнокровно. – Но, как догадываюсь, наконец-то собрались, чтобы что-то?

Мещерский медленно кивнул, взгляд его постоянно шарит по лицам в комнате, изучает, анализирует, и, надеюсь, какие-то выводы этот полковник, что собирает на совещание в свой кабинет генералов, делает.

– Самое же главное, – сказал я, – люди, к сожалению, очень редко подвижны умом. Даже умные. Настолько редко, что даже удивительно, как крохотнейшей прослойке ученых удается тащить всю эту неподъемную массу к прогрессу. Генерал, вы же знаете, на свете полно как отдельных умников, так и целых групп, которые хотели бы покончить с человечеством! Аум Сенрикё нашумел то ли благодаря газетчикам, то ли красивому имени, но на самом деле таких групп до черта! А еще больше всякого рода религиозных фанатиков, которые жаждут попасть в рай, те же свидетели Иеговы, что с нетерпением ждут конца света...

Генерал сказал недовольно:

– Свидетели Иеговы ждут, но убивать человечество не станут!

– Хорошо-хорошо, – сказал я, – а как насчет «Движение за добровольное вымирание человечества»? Они считают человечество раковой опухолью на теле планеты и готовы его уничтожить, только у них пока такой возможности нет. А чего стоят неолуддиты? Их вожак Теодор Качинский рассылал по почте бомбы ведущим ученым. Трое погибли, десятки покалечены... Погуглите, если кто не в курсе. Да ладно, а сколько людей, которым настолько осточертела жизнь, что готовы покончить с нею не только для себя? А сколько тех, кто берет автомат и выходит расстреливать людей на улице или в кафе, стараясь убить как можно больше? Думаете, такой не рванул бы супербомбу?

Мещерский сказал тяжелым голосом:

– Да, геростраты есть и всегда будут. Я предпосылку принимаю, как, думаю, и остальные.

– К примеру, – сказал я, – сейчас начинается криптовойна, что может быть намного опаснее ядерной. Внезапные анонимные удары, когда непонятно кто ударил, и хуже того, иногда даже пораженная ударом страна даже не подозревает, что удар ей уже нанесли!

– Однако, – начал было генерал, – это же очевидно...

– Уже нет, – ответил я. – Когда в мире больше двух игроков, удар останется безнаказанным. Сейчас такое могут совершить Штаты, Россия, Китай, Иран, Израиль... а завтра еще десяток стран, а через полгода не государства, а отдельные группы будут бить так, что рухнет мировая экономика и начнется хаос.

Мещерский сказал в растерянности, которая показалась мне подчеркнутой:

– Но тогда может начаться война всех против всех!

Они помолчали, я сказал с тяжелым сердцем:

– Отвратительно такое говорить, но мы идем ко всеобщему контролю. Неизбежному. Но я сейчас о другом. У нас есть ООН, однако эта всемирная организация неповоротлива и неэффективна. МАГАТЭ... работает чуть получше, но все же в руках бюрократии. Мирового правительства у нас пока еще нет, хотя, понятно, скоро к нему придем. Остаются только спецслужбы...

Мещерский проговорил невесело:

– Мы как раз и пришли к этому выводу. Однако спецслужбы служат только своему правительству, а вы предлагаете создать некий отдел, что занимался бы

межправительственными...

– Надправительственными, – уточнил я. – Это важно, когда не между, а над. Это значит, в интересах всех правительств! Правда, другая беда, будет немалая путаница национальных и общечеловеческих ценностей. Кроме того, конкуренция спасателей...

Генерал, набычившись, рассматривал меня с недоверием и озлобленностью.

– И вы хотите возглавить такой важный отдел?

Я сдвинул плечи.

– Ради бога, возглавьте вы!.. А я вернусь к своей спокойной работе. Думаете, рвусь сюда к вам разгребать дерьмо?..

Мещерский похлопал по столу.

– Тихо-тихо!.. Новому всегда труднее пробивать дорогу, а возражениями можно потопить все, что угодно. Давайте закругляться. Проблему мы, как мне показалось, все поняли. Владимир Алексеевич, у вас есть что сказать в заключение?

– Главная беда, – сказал я настойчиво, – новое оружие, в отличие от атомного, стремительно дешевеет. И находится в частных руках. А это значит, что вот прямо сейчас в десятке стран создается оружие массового поражения... и далеко не всегда правительство это знает!

Генерал спросил резко:

– А что мы можем?

– Задачу можно разбить на несколько этапов, – сказал я. – Первый – принять строжайшие законы на межправительственном уровне. Второй – самим мониторить ситуацию...

Он продолжал смотреть на меня неотрывно.

– И что? Вы сказали, в некоторых азиатских странах законодательство намного либеральнее. Вон в Китае, кроме собак, разрешено модифицировать... еще и свиней?

– И людей тоже, – уточнил я. – Да, уже приступили. У нас пока запрещено. Как и везде в Европе и Штатах. Может, пора перестать нам быть Европой, а стать Россией?

– И что делать в таких случаях? Я имею в виду, вот здесь нам?

Он смотрел исподлобья, недобро, я ответил таким же взглядом и подчеркнуто ровно и без эмоций сказал:

– Интересы государства... да что там государства, на кону существование человечества!.. Я думаю, генерал, даже такой либерал, как я, скажет о допустимости любых средств, чтобы остановить угрозу. Любых.

Он смотрел тяжелым гнетущим взглядом, затем в его лице что-то изменилось. Похоже, видел во мне обычного крикливого алармиста с их вечным «О боже, мы все умрем!», а сейчас я показал себя с другой стороны, а я сам знаю, что с другой я совсем не тот человек, что вижу постоянно в зеркале.

Он посмотрел на председательствующего Мещерского.

– У меня предложение. Принять во внимание выступление господина... господина...

– Товарища Лавронова, – подсказал я, сделав ударение на первом слове.

Он произнес чуть благосклоннее:

– Товарища Лавронова. Пусть наши эксперты поработают. Но не так, как обычно, а в самые сжатые сроки. Хорошо бы госпо... товарища Лавронова почаще привлекать в качестве эксперта и консультанта.

Я перехватил удивленный взгляд Мещерского. Похоже, я своей заменой «господин» на

«товарищ» снискал симпатию этого динозавра, не просто заставшего расцвет СССР, но и занимавшего уже тогда высокие посты.

Вообще-то, я не покривил душой, мне «товарищ» и в самом деле нравится больше, чем «господин». Хочется видеть вокруг товарищей, а не грызущихся господ, само слово «господин» все-таки поганое, унижающее, никто для меня не господин, мать вашу.

Мещерский взглянул на часы, поднялся, все разговоры затихли.

– Заседание окончено, – произнес он веско. – Всем надлежит в трехдневный срок подготовить рекомендации. На их основе будет принято окончательное решение.

Он вышел через боковую дверь, остальные начали неспешно подниматься, тяжелые и солидные, осознающие свой вес и значение. Даже те, кто сохранил сухощавость фигуры, двигаются с царственной медлительностью, это как бы признак ума, а кто суетится, тот неумный и малозначащий человек.

Я вышел последним, генералы продолжают переговариваться друг с другом, на меня внимания не обращают, я человек из другого мира, военные к ученым традиционно относятся свысока, ведь и всякий футбольный фанат уверен, что он умнее всех профессоров в мире.

Ингрид ждала в конце коридора, молча пошла рядом, я молчал, она в нетерпении ткнула локтем.

– Ну?

– Чего? – ответил я вяло. – Поговорили.

– О чем? Если это не государственная тайна.

Я сдвинул плечами.

– О крайне новых и важных вещах. Оказывается, ты даже не представляешь, Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено!

Она сказала строго:

– Не утрируй. Ты зря их представляешь некой темной силой царизма. В основном это всесторонне образованные и умнейшие люди. И в данном случае не стали ничего сами решать, а обратились, чтобы исключить клановую заинтересованность, к гигантам мирового уровня.

– Что, – спросил я, – к Бострому?

Она покачала головой.

– На том же уровне наши Турчин и Никонов. Теперь даже я знаю, что их фундаментальные труды о рисках глобальных катастроф высоко ценятся специалистами. К сожалению, а может, и к счастью, простой народ интересуется, кто из звезд с кем спит и сколько голов забили во вчерашнем матче, но в нашем руководстве, как я уже сказала, настоящие профессионалы. Они наверняка приняли решение снова собраться уже для проработывания неких предварительных мер.

Я сказал с досадой:

– Опять «неких», «предварительных»...

– Не гони лошадей, – сказала она сердито. – И коней тоже не гони. По-видимому, будет создана некая новая структура. Со штатом, финансированием, полномочиями... Развернется борьба за места, влияние, допуски... вообще за все. Будут втягивать своих людей, добиваться привилегий... В общем, нормальная в демократическом обществе подковерная борьба за лакомый кусок. Это не ваше академично-сталинское «сказал-сделал!»

С крыльца я посмотрел на заходящее солнце – красное, как морда того генерала, уже

опускается за край земли, а над самым горизонтом блеснула первая звездочка, чуть поменьше, чем на генеральских погонах.

– Давай, – сказал я капризно, – вези меня домой. Нежно!

Она посмотрела с интересом.

– А свою машину бросишь?

– А вдруг ее уже эвакуатор увез? – предположил я. – Никогда так долго не заседал!

– Разве это долго?

– Это украденное у мировой науки время, – заявил я возвышенно. – Чем компенсируешь?

– Бог подаст, – ответила она. – Пошли!

Ее автомобиль распахнул обе дверцы, Ингрид быстро села за руль, взглядом велела мне пристегнуться, мужчинам все еще надо напоминать правило, которое первыми освоили трусливые женщины.

– Как-то не так я все представлял, – сказал я.

Она вырулила на дорогу, мимо понеслись ларьки и фигурные столбы, ответила, не поворачивая головы:

– Все, что происходило и говорилось, пишется на десяток камер. Потом сведут воедино, а те, кто будет определять судьбу проекта, просмотрят очень тщательно в тиши своих кабинетов.

– Ага, – сказал я, – значит, те, кто трепал языком на этом сборище, еще не фигуры?

– Фигуры, – ответила она терпеливо. – Именно потому и должны быть постоянно на виду. Ты знаешь, что все правители должны быть на виду все двадцать четыре часа?.. Когда однажды Ленин исчез на сутки, в молодой России чуть переворот не случился, а он всего лишь к любовнице заскочил!.. Сталин вообще никуда не ездил, постоянно в Кремле, за Хрущевым и вообще за всеми видными лицами постоянно таскался хвост, а у их спален дежурили особые люди...

– Знаю, – ответил я. – За всеми президентами следят свои же, чтобы не предали страну. Ладно, пусть анализируют, лишь бы не утопили в ворохе заседаний.

– Не утопят, – заверила она. – Это ГРУ, здесь привыкли к быстрым решениям.

– А генералы?

– Это гости. Нужные. Они тоже возглавляют отделы ГРУ, но уже в армии. Так что все пойдет быстро... А-а, вон твой автомобиль! И никто не увез.

– Жалко, – буркнул я. – А то пришлось бы тебе везти меня домой и, поддерживая мое усталое тело, укладывать в постельку.

– Ага, еще и чесать!

– Это обязательно...

– Мечтай, мечтай!.. Ночью приснюсь, но ты не слишком усердствуй, а то у меня синяки останутся.

Мой внедорожник тут же распахнул дверцу только слева, для женщины ревниво не открыл.

Ингрид дождалась, когда сяду за руль, царственно улыбнулась. Ее автомобильчик тут же сорвался с места и унесся, как праздничная ракета.

Люди оптимисты, без этого бы не выжили, и я, почти позабыв о глобальных рисках, в новом доме страстно занимался отработыванием методов CRISPR.

Это не только новая стратегия точной модификации человека с использованием редактирования генома, но и возможность легкого и недорогого редактирования любой генетической информации. Но гладко на бумаге, но забыли про овраги, я еще с первых попыток понял, что иду по минному полю.

Чтобы оптимизировать редактирование, нужно потратить годы, это я усвоил, однако теперь появилась надежда продвинуться быстрее. Все мы такие эксперименты проводим по старинке, почти что методом тыка, но сейчас я со своими возможностями могу такие эксперименты проводить в виртуальном пространстве, что дает ускорение в тысячи раз, а для реального оставить только проверку на живом материале, тех же моих мышках.

Теперь на высокоскоростном хай-теке не экономлю, лицо Ингрид возникло на экране во всю стену, глаза и без того круглые, распахнулись шире.

– Ого! Это где ты?

– Дома, – ответил я.

– Ты что, в самом деле женился на миллионерше?

Я ответил скромно:

– Могу только на миллиардерше. Так как я сам весьма как бы миллионер... Или на Золушке.

Она сказала пораженно:

– Так это все-таки ты тогда спер гранд в двенадцать миллионов долларов? А как сумел подставить бедного Медведева!

– Точно, – согласился я. – Только никому не говори, я тебе отстегну на мороженое.

– На два, – велела она. – Больших!.. С орехами. Новости интересуют?

– Давай, – сказал я. – За кого Аня Межелайтис собирается выйти замуж?

Она переспросила:

– Кто-кто?.. Это кто-то из ваших? Не знаю такую. Сейчас прорабатывается в строжайшей тайне создание Комитета по Предотвращению Глобальных Катастроф. Предполагается, что в наше нестабильное время он будет наделен чрезвычайными полномочиями, о которых распространяться нельзя нигде и никому. Родным тоже. Все понял?

– Кроме самой малости, – сказал я. – Ты что, допущена?

Она наморщила нос, но получилось неважно, хорошо морщить только курносенькие, а не такие рубильники.

– Нет, сам знаешь.

– Тогда...

Она фыркнула.

– Я вроде связная. У нас с тобой получилось дважды, потому не хотят ломать налаженное.

– Это у нас налаженное?.. И вообще, что они имеют в виду, что получилось дважды?.. Я думал, только раз... Или в самом деле дважды? Блин, за нами в самом деле наблюдают так плотно?

– Ты какой-то подозрительный, вечно тебе не то слышится.

– А что должно?

Она ответила серьезным голосом, не реагируя на провокации:

– Они имеют в виду убалтывание Стельмаха и операция по освобождению заложницы.

Я двинул плечами.

– Ладно, у них свои причуды. Чрезвычайные полномочия выколачивают, чтобы действовать без указания сверху, или нет? Без такой сладкой бюрократии и долгого согласования с какого края стола положить бумажку?

– С ходу ловишь, – сказала она поощряюще. – Как собака муху. Что значит профессор... А ты в самом деле он самый? Настоящий?

– Ты же щупала, – напомнил я. – Значит, главным был вопрос сферы действия. Пункт преткновения в том, что наша страна в силу отсталости... ладно-ладно, в силу твердых авторитарных законов как бы вне опасности... Действовать придется за кордоном, вся зараза идет оттуда. А это не совсем, хотя ГРУ действует, но мы делаем вид, что вообще никакого ГРУ не существует. Так?

Она посмотрела с вызовом.

– А что тебя тревожит?

– А ты как думаешь?

Она поколебалась, ответила нехотя:

– Сам знаешь. Мещерский сказал, согласовывать по дипломатическим каналам такое просто ну никак. Да и всяк пожелает сам решать свои собственные проблемы. Тем более что ряд стран покровительствует таким работам, знаешь ведь?

– Еще бы.

Она вздохнула, на лицо набежала легкая тень.

– Простой обыватель знает только, что в Ираке велись работы по созданию атомного оружия, но Израиль разбомбил, в Китае, к примеру, на законодательном уровне разрешены работы по генной модификации человеческого эмбриона, что запрещены во всей Европе, США и даже в России!.. В общем, завтра-послезавтра решение будет принято. Будь готов прибыть сразу же, дело очень серьезное.

Она смотрит со стены строго и требовательно, я хотел ответить, что в своей лаборатории тоже не пирожки из песка леплю, но ощутил, что на этот раз прозвучит неубедительно. Моя работа важнее, безусловно, однако трудно работать над геномом, если в доме вспыхнет пожар, а он уже разгорается в разных уголках планеты.

– Хорошо, – ответил я серьезно. – как только, так сразу!

– До завтра, – сказала она. – Буржуй недорезанный.

Экран погас, я некоторое время еще смотрел на его зеркальную поверхность, думая над тем, что даже Ингрид не знает, не говоря уже о Мещерском, что не просто подхожу больше, чем многие из его людей, а просто необыкновенно подхожу, потому что могу мониторить все разработки по всему миру.

От меня на некоторое время могут ускользнуть разве что самые скрытые, в каких-то подземных бункерах на большой глубине, куда не достанут никакие особые бомбы, где все компьютеры и все-все не имеют выхода на поверхность...

...но этим людям нужно чем-то питаться, они должны получать материалы, а такое удастся отследить по логистике, доставляемым грузам...

Более того, можно просмотреть базы ученых и вычислить, какие группы исчезли из поля

зрения, над чем работали до исчезновения...

– Посмотрим, – пробормотал я, – что могу сделать для этого, как его, человечества...

– Которого восемь миллиардов, – сказала она.

Я сказал злорадно:

– Ага, уже и ты видишь, что их многовато?

– Мы тоже они, – ответила она.

Как и обещала, она позвонила на другой день ближе к полудню. Решение в целом принято, я должен все бросить и мчаться со всех ног, а там она встретит и проведет, так как у меня все еще нет пропуска.

– Не лопни, – посоветовал я, – какая гордыня, пропуск у нее, видите ли...

– Завидовать нехорошо, – сообщила она. – Жду. Звякни, когда свернешь с трассы.

В кабинете Мещерского рядом со столом расположился в кресле тот самый красномордый генерал, на коленях исполинский планшет, но едва я вошел, тут же закрыл, бросив на меня взгляд, переполненный подозрением, словно у меня на груди бодро болтается табличка с надписью «Агент Госдепа».

Мещерский кивнул мне и указал на свободное кресло.

– Владимир Алексеевич, – сказал он с подъемом. – Дело сдвинулось с мертвой точки. Хотя вообще-то оно и не стояло, у нас все решается быстро... В общем, формирование особого отдела – дело решенное.

– Отдел по ликвидации глобальных катастроф? – уточнил я.

Он кивнул.

– Да, хотя он и называется отделом по рассмотрению. Рассмотрению этих самых глобальных. Но вообще-то в его функции будет входить именно ликвидация. Это само собой разумеется, но во всем мире избегают таких вот откровенных названий.

– Человечество изолгалось, – заметил я. – Избрехалось.

– Ложь создала общество и культуру, – напомнил он. – В общем, кораблю быть!.. На рассмотрении у нас было четыре кандидатуры...

– Маловато, – сказал я. – Отдел мог бы быть и больше.

Он усмехнулся, посмотрел на генерала. Тот пробасил раздраженно:

– Четыре кандидатуры на должность руководителя!

Мещерский добавил:

– В конце концов сошлись на вас, дорогой наш профессор. Нам рекомендовали на должность руководителя проекта пригласить вас.

Я дернулся.

– Какого руководителя? Речь шла о советнике или, на худой конец, консультанте! Вот так и предложи что-то нужное. Все-таки я ученый, а не военный!

Генерал сказал с неохотой:

– Да, лучше бы это поручить военному, но руководство решило, что это больше научный проект, хоть и связанный с проблемами безопасности. Потому во главе должен стоять ученый.

Я возразил:

– Простите, но я с ходу назову два десятка ученых мирового уровня, перед которыми я как муравей перед слонами!.. Пригласите их.

– Вы серьезно? – спросил Мещерский.

– Абсолютно, – заверил я.

Они переглянулись, Мещерский сказал с доброжелательной ноткой:

– Уже то, что вы совершенно искренне отказываетесь, а вашу искренность подтверждают десятки датчиков, мониторящие ваше состояние, уже говорит в вашу пользу. Вы не карьерист, не выскочка...

– Ну спасибо, – сказал я саркастически.

Он кивнул с невозмутимым видом.

– Пожалуйста. А еще у нас очень любопытная характеристика на вас из мест... из очень турбулентных мест.

– От кого? – спросил я настороженно.

Он ответил с насмешкой:

– От целого ряда лиц. И все характеризуют вас с несколько неожиданной стороны.

Генерал при этих словах недовольно хрюкнул, перебил Мещерского:

– Я сказал бы, что они дают вам слишком завышенную оценку, но эти люди точно не могли стовориться, так как находятся, скажем уклончиво, по разным сторонам баррикад. Скажу честно, я был против вашей кандидатуры, но именно их оценка несколько изменила мою точку зрения.

Мещерский сказал с широкой улыбкой:

– Не отказывайтесь, Владимир Алексеевич!.. Вы не представляете, какие были соискатели этой должности! Но вы подходите и как ученый с широчайшим кругозором... и как человек, который может действовать очень активно.

Генерал смотрел на меня с новым интересом.

– Да, – подтвердил он. – В интересах государства.

Я понял, что он хотел сказать, и даже то, от кого услышал эту фразу и почему именно повторил. Генерал, сторонник жестких мер, с первой встречи заподозрил меня в мягкости, не понимает, что ученые смотрят на мир совсем не так, как писатели и артисты, из которых и получаются всякие там правозащитники. Мы реалисты, если для спасения тысячи нужно убить одного, уьем, а не будем заламывать руки и кричать в слезах, что это негуманно.

Я вспомнил, как Ингрид несколько раз обвиняла меня в жестокости, все-таки женщина, а генерал, прочитав внимательно эти отчеты, понял, что я действовал очень рационально, хотя такое поведение пока что находится вне правового поля современных норм.

– Тогда разграничим полномочия, – предложил я. – Мы будем мониторить ситуацию насчет глобальных рисков по всему миру. Если какие-то можно решить дипломатическими путями, тут же передаем наверх.

Мещерский спросил негромко:

– А если дипломатическими нельзя?

– Нужно все равно действовать, – ответил я зло. – В случае, если угроза близка, то я бы советовал как можно быстрее посылать спецов. В зависимости от размера угрозы это могут быть спецагенты, спецгруппы, спецотряды и даже спецвойска.

Генерал довольно крикнул.

– Я боялся, что не скажете. Вижу, характеристику из горячих мест вам дали не с потолка. Умеете принимать быстрые решения. Я буду пробивать, или, как теперь говорят, лоббировать как можно бóльшую вашу независимость от других отделов и проверяющих органов.

Я сказал хмуро:

– Отдел должен быть не просто с большой независимостью, а... с предельной! Если, к

примеру, вирус разрабатывают где-то в Бангладеш, мы должны иметь возможность немедленно послать туда человека! Без запросов и согласований, чтобы не опоздать. И никому не отчитываться, как именно угрозу устранили. Просто устранили, вот и все!

Мещерский кивнул, а генерал расправил плечи и сказал властно, как Наполеон, издающий свой кодекс:

– Одобряю полностью. Агент может не просто убить мерзавцев, но и сжечь там всю лабораторию! Если понадобится – вместе с деревней. Это звучит по-людоедски, но вы, надеюсь, не правозащитник, понимаете, жизнь восьми миллиардов людей стоит одной сожженной деревни.

Он даже помолодел на глазах, что делает прилив адреналина, потер ладони.

– Спасибо, генерал, – сказал я. – В самом деле спасибо.

– И высшая степень секретности, – добавил он деловито. – Даже руководство не должно знать, что вы делаете!.. В смысле, детали не должны знать. Иначе его самого поставим в неловкое положение, как вы понимаете. Владимир Алексеевич, нас до сих пор не представили друг другу...

Мещерский сказал с улыбкой:

– Это наши правила, а вовсе не какое-то дремучее невежество. Генерал армии Кременев Антон Васильевич, занимается... очень важной работой. Владимир Алексеевич, профессор.

Мы с генералом пожали друг другу руки. Несмотря на его красномордость, ладонь твердая и сухая, словно я сжал кусок дерева, а он ответил такой же мощной хваткой, проверяя мою профессорскость.

Ингрид, когда везла меня домой, сказала успокаивающе:

– Это совсем не медленно, ты зря!.. Знал бы, с каким скрипом принимают и более простые решения!.. А сейчас нужно создать структуру, которой нет еще ни в одной стране мира!..

– Точно?

– Что «точно»?.. Ах, ну, сведений таких нет. Возможно, какие-то операции поручают обычным отрядам специального назначения. Но у нас будет именно такое вот специализированное. Скажу по секрету, все фактически решено, я видела по их лицам. Ты бываешь иногда очень убедительным. Меня же сумел убедить?

– Правда? – спросил я. – Хорошо, тогда приготовишь мне яблочный штрудель.

Она посмотрела на меня удивленно.

– Ну и свинья наглая!.. А если у меня другие планы на вечер, чем странное счастье тебя чесать?

– Отмени, – велел я. – Иначе не возьму в отряд спасителей человечества.

Она презрительно прищурилась.

– Так уж уверен, что после того, как ты им нахамил, предложат возглавить тебе?

– Уверен, – ответил я. – Если не дураки. А они мне дураками не показались. Даже генерал.

Она в изумлении от такой наглости покрутила головой, я промолчал, не рассказывать же, что слежу за переговорами этих генералов по мобильной связи, которую считают защищенной. Вижу сомнения, колебания, заодно просмотрел их личные дела, а также родных и знакомых, связи на стороне, кое-где накопил компромат, при необходимости не постесняюсь пустить в ход.

Нельзя позволять, чтобы такое важное дело, как создание Комитета Защиты Человечества, мог торпедировать человек, больше всего ломающий голову, как тайком от ревнивой жены переспать и со второй ее подругой, как уже переспал с первой.

Она высадила меня возле моего автомобиля. Я видел, что надеется услышать приглашение похрюкать в моей постели, но я удержался, вдруг все еще не уверена, что возьму в такой важный отдел спецслужб, хочет подстраховаться, и хотя даже мысль о таком в ее адрес унизительна, смолчал, поблагодарил и пересел в свою автомашину.

Я полагал, выделяют где-то неприметный домик, однако на другой день Мещерский сообщил, что помещение спешно готовится в здании одной из строительных корпораций.

Та специализируется на военных подрядах, так что нечто почти родственное, потому въезд даже во двор по специальным пропускам, затем проверка при входе в здание, а последняя проверка на этаже, куда нет допуска никому, кроме членов нашей будущей группы.

Первый этаж в самом деле занимают строители, второй и третий уже у различных служб, что хоть и не грушны, но не напрямую работают на них, а четвертый и пятый уже наши, самые недоступные и почти несуществующие.

– Ого, – сказал я, – два этажа!

– Это не так уж и много, – ответила Ингрид трезвым голосом. – Домик вообще-то маленький.

– Слушай, – сказал я, – а Мещерский в самом деле полковник?

Она улыбнулась.

– Заметил?.. А генералами командует... Нет, генералами, конечно, не командует, но тут такое дело... Это ГРУ, понимаешь? Своя специфика.

– В чем?

Она сказала в затруднении:

– КПСС всегда старалась держать все под контролем, в том числе и КГБ. Возникали конфликты, но КПСС подавляла протесты, пока, как мы знаем, КГБ вообще не избавилось от КПСС... Доходило до нелепостей: даже в простейших райкомах партии должны были держать в общих отделах все данные о каждом члене партии: ФИО, должность, награды, проступки, взыскания, семейное положение, количество детей и прочее-прочее...

– Нормально, – буркнул я.

– Так вот представь себе, – сказала она, – работает в здании КГБ вечно пьяный водопроводчик дядя Вася, чинит трубы, в свободное время играет в домино, и никто там не знает, что он вообще-то в звании майора, внедрен внутренней службой безопасности следить за сотрудниками...

– Понял, – сказал я, – а в райкоме партии у девочки в столе лежит среди других и его папка с фотографией в мундире, где он в звании майора?

– Вот-вот.

– Понял, – сказал я. – Мещерский на самом деле чуточку выше ростом, чем выглядит?

Она посмотрела внимательно.

– А ты не удивился. Откуда-то знал, да?

– Зачем тогда спрашивала?

– Чтобы легализовать, – отрезала она. – Легализовать свои знания, полученные преступно нажитым путем!

– Класс, – сказал я пораженно, – обожаю проницательных женщин! Правда, вблизи боюсь. Ладно, давай займись хозяйством, куда столы, куда аппаратуру, как разместить прочую мебель...

Она спросила быстро:

– Так ты меня берешь?

Я оглядел ее оценивающе.

– С такой фигурой? Конечно!.. Будешь пресс-атташе. Давать интервью и широко улыбаться. Только вырез на платье ниже, юбку короче, и все будет зашибись!

– Свинья, – сказала она, но с широчайшей улыбкой, в самом деле еще побаивалась, что не возьму, как будто у меня есть какой-то выбор, хотя вообще-то есть как ни у кого другого. – Остальных пусть пришлют из отдела кадров?

– Да, – ответил я, но тут же спохватился, – погоди, сперва пригласи Левченко. Они хороши в организации полевых операций, а их убеждения я уже знаю.

Она охнула:

– Ты всерьез?

– Да, – ответил я. – Читать личные дела – одно, видеть человека в горячих точках – другое. Да и с остальными не спешу. Сперва просмотрю сам кандидатуры, а потом начнем приглашать на собеседование. Мы должны отобрать лучших!.. Хотя, конечно, лучшее у нас уже отобрано.

– Кто-кто?

– Но ты же в отряде, – напомнил я.

Она фыркнула.

– Спасибо за галантность. Сказал с таким лицом, словно живую жабу глотал. Кстати, тебе придется пройти еще пару чисто формальных процедур...

В ее голосе прозвучало нечто такое, что я сразу ошетинился.

– Что такое?

– Норматив в тире, – сообщила она, – и собеседование с психоаналитиком. Нашим, группным. Сам понимаешь, человек на таком ответственном месте должен быть чист даже от намеков на шизофрению, паранойю и вообще от всех фобий. Но ты ведь такой, так что тебе?

– Главное, – сообщил я, – не какой, а каким нужно прикинуться, чтобы пройти экзамен, тест, собеседование. Не так ли?

– Прикидываться ты умеешь, – согласилась она.

– Психоаналитик у вас самец?

Она поморщилась.

– Грубый.

– Понятно, – сказал я с удовлетворением, – самка. Это хорошо.

Она спросила с подозрением:

– Что хорошо, что хорошо?

– Меньше трений, – пояснил я. – Мы все еще питекантропы, хоть и с учеными степенями.

Пока на два наших этажа затаскивали мебель и оборудование, упрятанное в ящики с маркировкой «Посуда», Ингрид быстро отвезла меня в филиал управления, где, минуя Мещерского, сразу повела к дальнему кабинету с табличкой «Рябинкина И.С, к.м.н.», постучала, дождалась «Войдите» и втокнула меня, следуя сзади, как конвоир.

В кабинете приглушенный свет, шторы задернуты, на стенах картины с пейзажами и натюрморты. Из-за стола навстречу поднялась миловидная молодая женщина, приветливое лицо и хорошая доброжелательная улыбка.

– Ирина Савельевна, – сказала Ингрид, – я вот привела вам, как и велел Мещерский...

Она улыбнулась мне мило и приветливо.

– Очень хорошо... Ингрид, подождите в коридоре.

Ингрид молча вышла, очень недовольная по виду. Я терпеливо ждал, ну не скажешь вот так в лоб, что все ваши тесты я знаю и могу пройти с любым результатом, который хочу показать. И даже все показания с датчиков, прикрепленных к телу, могу высветить на экране те, которые необходимы, а не те, которые высветились бы без моего контроля.

Об этом психоаналитике, естественно, я мигом прочел все, что в доступе, узнал кое-что еще, чего в доступе нет, и с улыбкой ждал начала разговора.

Она сказала мягким профессиональным голосом, который должен проникать в душу, как полагает народ, или в подсознание, как предпочитают говорить специалисты:

– Вы очень откровенны, Владимир Алексеевич.

– Это как?

Она пояснила:

– Первым же взглядом раздели меня, вообразили в какой-то позе, но мигом одели и сейчас готовы к разговору. Все это длилось меньше секунды, прекрасный результат!

– Спасибо, – ответил я. – А не можете сказать, в какой позе я вас увидел? А то как-то этот момент остался смазанным. Хочу в цвете и чтоб в три-дэ.

Она вздохнула.

– Не могу. Вы слишком быстро взяли себя в руки. Полностью исключить в себе животное начало нельзя, но все мы отличаемся от животных способностью контроля этих позывов. Только у всех этот контроль в разной степени...

– Контролем позывов, – подтвердил я, – и умением пользоваться столовыми приборами... А вы нарочито вот так сиськи напоказ, разрез платья до самых трусиков... которых на вас нет?

Она улыбнулась.

– Давайте лучше я буду задавать вопросы. Сядьте вот на этот диван... а лучше вообще лечь поудобнее. Как вы себя чувствуете по возвращении? Имею в виду юг России?

– В смысле, при смене часовых поясов?

– Хороший ответ, – сказала она одобрительно. – А как вы сейчас чувствуете?

– А вы? – спросил и я, предвосхищая ее вопрос, пояснил: – Психиатрия и психоаналитика входили в число базовых дисциплин, которыми пришлось основательно овладеть на пути к докторской диссертации. И сейчас вижу ваше волнение по поводу бойфренда, хотя он вообще-то вам звонил, но вы нечаянно отжали кнопку громкости, это бывает с новой моделью Самсунга, и зачем они ее перенесли на торец? Я сам дважды попадался.

Она вздрогнула, ее пальцы сдвинулись на сантиметр в сторону мобильного в кармане, но удержалась, взглянула на меня с натянутой улыбкой.

– Мне начинает казаться, – произнесла она, – профессия нейрофизиолога дает больше знаний о человеке, чем устаревшая психиатрия... Или пока еще нет?

– Она не устарела, – сообщил я великодушно, – просто я застал вас врасплох и перехватил инициативу. Но, думаю, вам в самом деле в такую жару лучше без трусиков.

– Придется надеть, – сказала она. – Хотя так видите меня только вы, но все же...

Я сказал свойски:

– Мне можно. Мы оба психиатры. Я понимаю, почему вы без трусиков на самом деле. Это так здорово, вы правы, так что я «за». Мы, психиатры, всегда были людьми без комплексов, а за последние полста лет привили свободу чувств еще и населению, сломав барьеры морали, хотя правозащитники полагают, что это они добились в результате трудной борьбы с косностью общества... Я вообще был рад повидаться, Ирина Савельевна. Хотя еще в коридоре представлял майора-самца, толстого и все повидавшего, но так приятно увидеть молодую красивую женщину!

Она улыбнулась.

– Женщины частенько берут интуицией там, где мужчинам приходится напрягать мозг. Потому нас мало среди математиков, компьютерщиков или физиков... Ладно, собеседование вы прошли, что уж мне задавать простенькие вопросы коллеге? Сейчас вот отправляю отчет вашему руководству... Все, Владимир Алексеевич! Вы свободны.

В коридоре Ингрид соскочила с подоконника, глаза огромные.

– Так быстро?.. Погоди минутку, я заберу у нее пару бумаг, и поедем.

Я кивнул, она исчезла за дверью кабинета. В старину считалось, что подсматривать и подслушивать нехорошо, идиоты какие-то. Подсматривание и подслушивание всегда давало огромные преимущества, глупо от этого отказываться, а сейчас так и вообще скоро станет краеугольным камнем всеобщей безопасности, когда все будут видеть всех всегда и в любое время.

Отыскать следящие устройства проще простого, через долю секунды я видел, как Ингрид переступила порог, плотно прикрыла за собой дверь, а Рябинкина подняла от стола голову.

– Да, Ингрид?

Ингрид посмотрела по сторонам и спросила страшным шепотом:

– И... как?

Рябинкина поинтересовалась так же негромко:

– Это врачебная тайна. Вы точно уполномочены?

– Спросите у Мещерского, – ответила Ингрид. – Мне поручено негласно наблюдать за ним, все-таки человек со стороны. У вас так быстро с ним... что, в самом деле не нашли никаких отклонений?

Рябинкина покачала головой.

– От нормы?

– Да.

Рябинкина сказала медленно:

– Вообще-то нет. Понятие нормы достаточно растяжимое, но если быть точным, то он не спецназовец, это точно. А вот для ученого, энтузиаста науки, как раз.

Ингрид сказала торопливо:

– Но он показался мне... слишком холодным, что ли?.. Безэмоциональным! Понимаете, там были трупы, люди только что убиты, а он просто старался не наступать в лужи крови... А когда кровь приблизилась к его ногам, отступил на полшага, не прерывая разговор!

Рябинкина сдвинула плечи.

– Для ученого это нормально. Они все немножко не от мира сего, потому что одни с головой в микромире, где расщепляют атомы, а другие в галактиках...

– Он нейрофизиолог.

– Тем более, – ответила Рябинкина. – Это такая интереснейшая область, сама знаю, что все остальное может казаться ему скучным и серым.

Ингрид пробормотала задумчиво:

– Вот-вот, у меня именно такое впечатление. Словно он в другом мире, а наш ему неинтересен.

Она сказала подбадривающе:

– Не подгоняйте под свои стандарты понимания. Люди все разные. Возможно, он такой и по натуре, как говорят в народе.

– Ох, это ужасно?

Рябинкина приподняла и опустила плечи.

– Кому как. Такой уж тип характера. Он не один такой. А когда еще и увлекательнейшая область науки, то вообще все остальное неинтересно.

– Но как же...

– Как в обыденном мире? – ответила Рябинкина. – Вы не представляете, многие действуют в самом деле на автомате. Один из моих пациентов, крупный математик, никак не мог вспомнить, откуда у него в холодильнике берутся продукты!

– А откуда?

– Да сам и покупает! Но такие простые и повторяемые действия у него происходят как бы вне сознания. Или, чтобы вам было доступнее, простыми запросами у него ведет спинной мозг, а головной занимается именно его обожаемой математикой.

Ингрид вздохнула.

– Ну, у Владимира еще до такого не дошло, к счастью. Он помнит все. Даже удивительно, как помнит много.

– Это не удивительно, – успокоила она. – Мозг ученого натренирован, как у вас говорят, быть постоянно на стреме. Но вы не волнуйтесь, дорогая. Он о вас помнит. Даже относится с нежностью.

Ингрид напряглась.

– Как это с нежностью? Я ему что, кошечка какая-то?

– Вроде того, – ответила она с улыбкой. – Но разве плохо? Сильный мужчина заботится о слабой женщине... Хотя, конечно, вас трудно назвать слабой. Но он все равно сильнее.

– Вот-вот! Как-то слишком быстро превратился в... мужчину. Вы не представляете, какой это был слизняк, когда я увидела его впервые в их лаборатории!

– Он ученый, – пояснила Рябинкина, – в своем коллективе привык быть таким. Но когда пришлось оказаться среди людей совсем другого склада, сумел приспособиться. Дорогая, у человека со степенью диапазон намного шире, чем у грузчика. Доктор наук может делать и свою работу, и работу грузчика, а вот грузчик работу доктора вряд ли... Не волнуйтесь, он совершенно нормален.

– Ох, – сказала Ингрид. – Ну хорошо, а то на такой важной работе, как у нас, ему нужно быть... собранным.

Рябинкина улыбнулась.

– Приятно, что вы о нем заботитесь, а он о вас. Вы с ним любовью уже успели? А-а, можете не отвечать, вижу... Все хорошо, дорогая. Если вдруг что, моя жилетка в вашем распоряжении.

Я сидел в конце коридора, когда Ингрид вышла из кабинета психоаналитика, красивая и подтянутая, улыбнулась мне издали.

– Что, – спросил я, – у тебя отклонений больше?

Она вскинула брови.

– Что-что?.. Нет, я не проверялась. А вот ты должен за мной в зубах сумочку носить, так она и сказала.

– Если бы тапочки, – буркнул я, – тогда да, не против, а сумочку... по магазинам? Нет, на такую жертву ни один мужчина не пойдет.

Она пошла рядом, сказала негромко:

– Странно она как-то... Говорит, не нашла в тебе никаких отклонений. Удивительно.

– Почему удивительно?

Она зябко пожала плечами.

– Потому что отклонения есть у всех. А у тебя вот не нашла. Она просто удивилась, а я вот даже...

– Обрадовалась? – сказал я с сарказмом.

– Встревожилась! – сказала она сердито. – Она тебя только сегодня узрела, а я насмотрелась, уже страшно! Ты как нечеловек...

Мы спустились вниз, она с крыльца жестом позвала свой автомобильчик.

Я сказал мирно:

– Да понятно, понятно. За нормального человека, даже за идеального, взят простой человек, психически здоровый, любитель пива и футбола, что в выходные едет на дачу жарить шашлычки, а летом в отпуск в Турцию... Научные сотрудники от кандидата и выше вообще-то психически тоже здоровые, но им насрать на какой-то там футбол, они и после окончания рабочего дня остаются в лабораториях... а это уже ненормально, верно?

Она сказала в затруднении:

– Не в этом дело. Ты на все реагируешь как-то... иначе. Для тебя даже, что зарезать человека, что не зарезать – одинаково.

Я посмотрел на нее с интересом.

– Правда?.. Надо будет присмотреться. Вообще-то человек и корова – млекопитающие, но коров человек режет спокойно, как и коз, свиней... Думаешь, человек чем-то отличается?.. Ты уроки анатомии в школе точно прогуливала с такой фигурой!

Она зябко передернула плечами.

– Прекрати!.. погоди, не сюда!

Я не успел опомниться, она подтолкнула к не приметной двери, за нею в глаза бросились полустертые каменные ступеньки, ведущие глубоко вниз.

– Это чё? – спросил я с подозрением.

– Топай-топай, – сказала она злорадно. – Я же говорила. Там в подвале тир. Осталось сдать норматив по стрельбе, и все.

– Чего? – спросил я. – Разве ты еще не сдала?

Она снова толкнула меня в спину, я слышал, как уверенно топает сзади, как конвоир за пленным партизаном.

– Тебе сдать, – пояснила она. – Я же говорила. Такие правила. Понимаешь, всяк хочет

снять с себя ответственность. Это как по технике безопасности. Если твоя подпись стоит, что ознакомлен, то сам виноват, если тебе на голову упадет строительный кран.

Я вытаращил глаза.

– погоди, они что, совсем идиоты?..

– вроде бы нет, – ответила она с настороженностью. – Ты чего взелся?

– А кому обещали, – напомнил я, – что вроде бы буду руководить отделом, не покидая нашего здания? Даже своей комнаты? Какая стрельба?.. Еще о рукопашке вякни, щас же по стенам размажу, и хрюкнуть не дам!

Она сказала торопливо:

– Успокойся, только успокойся. Конечно, да. Но...

– Что за «но»?

– Вся жизнь, – сказала она, – компромисс, ты сам это твердил.

– Я?

– Ты, – заверила она, – или Ленин, не помню точно. А то и Карл Маркс, у меня вы все трое в одном, как кто-то совсем страшный, о котором попы говорят...

– Спасибо, – буркнул я, – хотя да, лестно.

– Вспомни, – продолжила она настойчиво, – дело это абсолютно новое, я даже не верила, что тебе удастся такое пробить на самом веру. У тебя много противников прямо здесь же, в ГРУ, не давай им повода!

– Но когда это слоны садятся на шею?

Ступеньки привели в обширнейший подвал, дальняя стена теряется в полутьме, а перед нами оказались открытыми кабинки для стрельбы в сторону смутно белеющих на той стороне подземелья мишеней.

– Чего тебе стоит пострелять для галочки?.. – спросила она недовольно. – Мужчины же любят стрелять по каждому поводу и вообще без повода!

– Не люблю, – сообщил я.

– Да ладно! Зато покажешь, что с Главным Управлением взаимодействуешь. Это снимет некоторые вопросы и... обвинения. Где же Авгандил?.. Ладно, пока его нет, потренируйся.

Она сунула мне свой пистолет в руки.

– Куда стрелять? – спросил я.

– Давай вон в ту, – предложила она. – погоди, подгоню поближе...

За моей спиной потыкала кнопки на стене, тихо зажужжало, мишень поехала в мою сторону.

– Давай, – сказала она.

Я выстрелил несколько раз, нарочито укладывая пули по краям мишени так, чтобы не попали даже в круг, не то что в яблочко.

Ингрид фыркнула.

– Никуда не годится! Попробуй вот так...

Мишень по ее команде начала отодвигаться, отодвигаться, наконец отползла на предельную прицельную дальность.

Я вздохнул, дострелял остаток обоймы. Ингрид всмотрелась в окуляр, сердито буркнула:

– Ничего не понимаю. А ну давай еще!

Я пожал плечами и, чтобы поскорее закончить с этой ерундой, в темпе вставил другую обойму и выпустил остальные патроны.

Из дальней комнатки вышел подтянутый мужик в гражданском, ага, так я и поверил,

тоже мне гражданский, такого как ни переодевай, по харе видно, что совсем не скрипач из Ла Скала. И даже не виолончелист.

Я бы назвал его боевиком, если бы это было не в Москве, очень уж характерный типаж. Мозг, радостно виляя хвостом, моментально раскрыл передо мной его досье, куда вписаны операции в Афганистане, Сирии, Йемене и даже в Судане, а кроме двух наград, еще и два порицания за неподчинение приказу. Интересно, за такое серьезное дело, как неподчинение, взысканиям подвергнут не был, а снова принимал участие в боевых операциях, в отставку отправили только по ранению.

Он всмотрелся в меня вроде бы равнодушно, но я уже знаю этот взгляд, как и походку, нарочито расслабленную, такой человек выглядит балдеющим туристом на отдыхе, но на самом деле готов в любой момент взорваться каскадом смертельных приемов.

– Ингрид? – сказал он и посмотрел на меня.

Она сказала быстро:

– Ему нужно сдать норматив.

– Простой? – поинтересовался инструктор.

– Самый минимум, – ответила она. – Хотя, конечно, адаптация у него просто поразительная.

Он взглянул на меня, снова поинтересовался у нее:

– В каком смысле?

Она указала взглядом в мою сторону.

– Этот ботаник сперва вообще не мог пистолет в руках удержать. Потом не мог попасть в мишень. Вообще. Пули шли в потолок, в пол, в правую и левую стены...

– Ну-ну? – спросил он с ленивым интересом.

– Со второй половины обоймы половину положил в мишень.

Он повернулся, всмотрелся в изрешеченный щит.

– Гм, я бы сказал, ухитрился попасть и в центр.

Она покачала головой.

– Не ухитрился, Авгандил. Последнюю обойму всадил в самое яблочко.

Авгандил подошел ко мне, я увидел на его лице удивление пополам с недоверием.

– Ты подогнала мишень, чтоб стояла прямо перед ним? В двух шагах?

– Напротив, – огрызнулась Ингрид. – Послала ее к той стене. На предельную для пистолетов дальность. Прицельную дальность.

Он покачал головой.

– Интересно... И что, раньше пистолета в руках не держал? Признавайся, парень, как у тебя получается?

Я ответил с надлежащей интеллигенту скромностью и достоинством:

– Я доктор наук. Профессор. Вы же понимаете, человеку даден интеллект, хотя мало кто им пользуется. Да и зачем он в нашем мире? Вы знаете, самый большой мозг был у неандертальцев, на двенадцать процентов больше, чем у нынешнего гомо сапиенса. А с того времени мозг постоянно усыхал и продолжает усыхать. Сейчас уже полтора кило, а будет еще меньше. Когда станет как у австралийских аборигенов, мы перестанем быть людьми... Пичалька... Но пока я им, знаете ли, иногда пользуюсь. Вот и сейчас... в общем, можно сказать, воспользовался, хотя коллегам не признаюсь, стыдно признаться, как я его употребил.

Он смотрел непонимающе, Ингрид сказала торопливо:

– Он доктор наук по нейрофизиологии. Знает, как адаптироваться быстро и даже очень быстро. Мы адаптируем мышцы, а он сперва мозги, это проще...

Инструктор буркнул:

– Ну кому проще, а кому... мне вот легче тренировать мышцы, хоть это и дольше, а мозги... дело темное.

Я скромно улыбнулся, дескать, для доктора наук нет темных дел. Он вытащил из заднего кармана брюк смартфон, потыкал кончиком пальца.

– Как фамилия?

Ингрид сказала быстро:

– Лавронов Владимир Алексеевич.

Он закончил набирать текст, буркнул.

– Готово. Норматив сдан, норматив принят... Если такой стрелок, пусть сразу оформят и лицензию.

Я поинтересовался:

– С правом на убийство?

Он поморщился.

– Лицензию на право ношения оружия. Скрытое.

– Жаль, – ответил я. – А то бы я их всех поубивал.

– Кого? – спросил он.

Ингрид ответила язвительно:

– Всех. Говорит, людей восемь миллиардов, а ему и одного хватает.

– Миллиарда или себя?

– Наверное, – ответила она, – себя. Экзамен на полигоне проходить не надо?

– А что там? – спросил я.

– Стрельба по двигающейся цели, – ответил он с некоторым злорадством, – прячущейся, в условиях недостаточной освещенности, маскирующейся, тест на скорость и реакцию... Уже передумали, профессор?

– Если только по грязи не лазить, – предупредил я.

Он подумал, нехотя кивнул.

– Да, вы не морской котик. Тех заставляют в выгребных ямах сидеть сутками, в нечистоты нырять. Вам, надеюсь, не придется. Белая кость не для десантных операций.

Автомобильщик подкатил к подъезду и распахнул обе дверцы, хотя Ингрид вроде бы не давала такую команду. Надо будет покопаться в его программах, сам это решает, когда открыть одну дверь, а когда две, или это госдеп руководит.

Поднявшись по лестнице на свой этаж, я увидел в коридоре человека в гражданском, широкого в плечах и тонкого в поясе, а когда тот повернулся на стук моих шагов, я узнал чернобрового и чернобородого джигита Левченко.

– А, – сказал я, – Антон Денисович... Заходите. Это пока что мой кабинет. Временно.

На правах хозяина я пропустил его вперед, он прошел до середины кабинета и остановился. Черная как уголь бородка стала вроде бы длиннее, а крупные глаза навывкате, что делали его похожим на Ингрид, заметно ввалились, как и сам он похудел и заострился.

Я не стал садиться в свое кресло, как-то неловко, когда человек передо мной стоит, но ему так комфортнее, нужен простор для рукопашной схватки, человеку боя в таком положении – как мне разлечься на диване.

– Как добирались, майор? – спросил я.

Он взглянул исподлобья.

– Я здесь уже неделю. Ваш звездный час, верно?

– Вряд ли, – ответил я скромно, – но некоторое удовлетворение чувствую.

Он поинтересовался враждебно:

– Хотите добавить еще и от себя?

Я посмотрел на него в изумлении.

– С чего бы? Вы делали свою работу, как было велено. Приказ есть приказ.

Он проговорил настороженно:

– Что-то не совсем так... Я не просто исполнял приказ, я исполнял с охотой. Веря в правильность. До поры до времени.

– Он и был отчасти верным, – ответил я великодушно. – По большому счету. Потому вы здесь. Вас уволили?

– С треском, – ответил он с вызовом. – Довольны?

– Еще как, – ответил я. – Тогда у вас не будет мороки с переводом. Я предлагаю вам работу в новой структуре. В том же звании. И с тем же окладом.

Он продолжал смотреть на меня неотрывно, наконец проронил:

– Кто вы? Откуда у вас такие полномочия?

– Они есть, – ответил я. – Раньше не было, теперь есть. Жизнь все стремительнее и стремительнее. Что скажете?

Мне казалось, он должен был обрадоваться, однако на его лице наконец-то отразилась некоторая борьба чувств.

– Видите ли, – проговорил он наконец, – это только болваны могут думать, что вот так выкинутый из армейской спецчасти пойдет работать грузчиком или таксистом.

– Понимаю, – ответил я. – Вы получили предложения от частных структур... Сколько, два?

– Три, – ответил он и посмотрел с некоторым уважением. – Думаю, они вас ставят во главе некоего ведомства не зря. Три предложения. Заманчивые.

– Частные армии?

Он кивнул.

– Да. Так и платят больше втрое, и система не такая косная.

Я двинул плечами.

– Дело ваше. Они вам предложили, я вам предложил. Выбор ваш. Здесь будем встречаться чаще, а если выберете частную армию, то встретиться можем тоже. Но уже один раз.

Он смерил меня испытующим взглядом.

– Да, я помню, что вы с напарницей оставили от моей базы. Эта зверь-женщина с вами?

– Да, – ответил я. – Армию знаю плохо, потому пока останавливаюсь на тех, кого знаю лично. Подумайте, майор. Место за вами держу двадцать четыре часа. На него сейчас... так... семьдесят четыре кандидата. Все полковники... Нет, уже семьдесят пять... Блин, еще не знают, что за новая структура, а уже спешат!

– В новых отделах быстрее идет продвижение, – сказал он. – Спасибо! Я обязательно отвечу. Даже при отказе.

Едва он ушел, Ингрид примчалась злая и рассерженная, выпалила с ходу:

– А он тебе зачем?

– Беру на работу, – сообщил я.

– Что-о-о?

– Ты против? – спросил я любезно.

Она почти окрысилась, а глаза заблестели, как у злого лесного зверя.

– Что я, ты здесь хозяин, но, если голову сломишь, я не виновата!

– Не виновата, – подтвердил я.

Она спросила сердито:

– Ты ему веришь? Он же оставил нас на смерть!

– Надеюсь, – сообщил я, – будет выполнять и мои приказы так же точно.

– А если придет уже как человек частных структур? Не наших?

Я ответил загадочно:

– Ингрид, я же психолог и аналитик. Пойдем сразу же... Держись, мы приступаем к спасению мира!

Она огрызнулась:

– Я не всегда успеваю пирог спасти в духовке.

Мещерский внимательно просмотрел список, в который я продолжаю вносить имена предполагаемых сотрудников.

– Ингрид Волкова тоже в топе?

Я переспросил:

– Она же в контрразведке?

Он кивнул.

– Да. Ее ценят и отпускать вряд ли захотят. Но при формировании новых отделов им отдается предпочтение в наборе сотрудников. Потому, если Волкова вам подходит...

– А как она сама?

– Согласна, – ответил он. – Я с нею переговорил. А вам потребуется помощь. Она вас безмерно уважает, потому один верный сторонник у вас есть.

– Беру, – сказал я. – Лист кандидатов я просмотрел внимательно... Жаль, нет в нем ни Алексея Турчина, ни Александра Никонова, но, понятно, это звезды первой величины, на такую работу не пойдут... как и вообще ни на какую, сами светят ярко и в подсветке не нуждаются. Нам же нужны хорошие специалисты, но простые исполнители, потому вот эти...

Я потыкал пальцем, высвечивая на экране портреты и первые страницы досье.

Мещерский смотрел внимательно, на лице проступило уважение.

– Похоже, вы разбираетесь в людях... даже на расстоянии. Это в самом деле хорошие работники. Бойцов тоже подобрали лучших из лучших, даже завидно, что вот так легко, скользнув взглядом по файлам... Какое-то особое оборудование требуется?

Я протянул ему распечатку на бумажном листке.

– Только это. Программы и защиту поставим сами.

Ингрид как моя правая рука развила бурную деятельность в обустройстве нашего отдела, под ее руководством привезли и разместили мебель, завезли блоки серверов, рейдмассивы, сразу же установили на выходе с этажа сигнальные системы, что не позволят пронести даже на ступеньку ниже не только флешку, но даже крохотный чип, размером с маковое зерно.

Доступ в инет я хотел было оставить всем, но для руководства это будет выглядеть слишком уж большой беспечностью, никто не поверит, что могу как-то ручаться за всех, потому все компы соединили локалкой, а выход в инет только у моего, к которому доступ только у меня, ненаглядного.

Особенно тщательно Ингрид оборудовала мой кабинет, дескать, каждый переступающий порог должен чувствовать, что зашел к человеку, способному сдвинуть горы.

Я же радовался только мощным компам и сверхскоростной связи, все-таки двести гигабайт в секунду – пока что мечта рядового потребителя, но рядовой потребитель и пистолет не может пойти и купить, а Ингрид принесла мне «глок» и гордо положила на стол рядом с клавиатурой.

– Теперь ты мужчина!

– Ну спасибо, – сказал я. – Ты такая воспитанная...

– Ой, – сказала она, – ну что ты сразу обижаешься?.. Здесь народ утонченный, но с оружием не расстаются. Даже я приняла эту не самую гадкую мужскую привычку.

– Да и ты утонченная, – согласился я. – Смотрю на тебя, а ты все утончаешься и

утончаешься. Скоро вся шерстью покроешься... как насчет сырого мяса?

Прибыл Мещерский, держался подчеркнуто доброжелательно, вообще в ГРУ все джентльмены, армией и не пахнет, а в отношении меня держится вообще предупредительно вежливо, подчеркивая и перед другими мой высокий статус и положение.

Оставшись со мной в моем кабинете, сказал с той же неизменно благожелательной улыбкой:

– Владимир Алексеевич, куратором вашего отдела назначен я.

– Рад, – сказал я искренне.

– Я тоже, – ответил он. – Не столько потому, что такая уж цаца, но мы с вами уже успешно сотрудничали, а руководство мудро полагает, что глупо менять детали в уже работающем механизме.

– Да еще и на ходу, – ответил я. – Приятно, что у нас сверху не дураки, какими их считают диванные стратеги.

– Владимир Алексеевич, – сказал он, – у нас хорошие вроде бы отношения, я ими дорожу и хочу, чтобы они такими и остались.

– Я тоже...

– Потому, – сказал он подчеркнуто вежливо, – не буду влезать в ваши дела, тем более не компетентен в достаточной степени, признаю. Вы только сообщайте о результатах, хорошо?

– Не только о результатах, – сказал я. – Вы будете знать все. Надеюсь, я смогу пользоваться вашими советами и подсказками?

Он наклонил голову.

– Владимир Алексеевич, мои подсказки всегда будут настолько тихими, что, кроме вас, никто их не услышит. Кстати, там, в своем кругу ученых, вы именно в своем, а здесь придется иметь дело с разными людьми... Разных рас, религий, нетрадиционников... Вы как относитесь, скажем, к геям?

– Одобряю план госдепа, – ответил я, – на резкое сокращение населения. Уже сейчас роботизация выбрасывает на улицу миллионы людей, что не смогут найти работу, а завтра там же окажутся сотни миллионов. Те дети, которых рожают сейчас, сразу станут безработными и останутся ими до конца. Вообще к тому времени практически все отрасли производства будут роботизированы.

Он некоторое время смотрел, как мне показалось, чуточку ошалело, наконец покачал головой.

– Люблю ученых... Сразу в корень. Мне даже в голову... Что значит текучка, только сегодняшний день перед глазами.

– Пойду посмотрю, – сообщил я, – в какой готовности ребята.

– Да-да, – ответил он, хотя в голосе я уловил сомнение, с моей ли компетентностью определять такое. Не знает, видимо, что орлы с их высоты видят не только мышей, но и муравьев.

Поднимаясь по лестнице, я просматривал главный зал управления и собравшихся в нем сотрудников КЗАЧ, кто как сидит, что говорит и как держится, с этими людьми работать, на них полагаться, и хотя окончательные решения принимать мне, но очень много зависит от того, как подадут и какие аргументы выставят.

Левченко занял стратегическую позицию в центре, не любит быть зажатым в угол, хотя там не ударят в спину, но для него потеря жизненного пространства значит больше, Ингрид разговаривает с Иваром Гостомысловым, Василем Данко, оба прекрасные компьютерщики, а

Данко еще и проявил себя как умелый спецназовец, когда его послали с одним из отрядов на Ближний Восток, где должен был на месте всего лишь взломать сложный шифр до того, как все взлетит на воздух, но, кроме того, умело сражался, прикрывал товарищей огнем, а одного вынес на спине в безопасную зону. Там же успел починить поврежденную пулей деталь вертолета, что позволило взлететь всей команде до того, как туда примчалась группа правительственных войск на бронетранспортерах.

Я вошел, все моментально вскочили и встали по стойке «смирно».

– Вольно, – сказал я, – это не значит, что у нас воля, как при Стеньке Разине, но армией здесь не пахнет. Тоталитарная демократия – дорога в будущее. Всем сесть!

Послушались также моментально, но никто не брякнулся задницей на пол, успели присмотреть, кто в каком кресле предпочитает быть.

Я сделал паузу, все притихли и смотрят с ожиданием.

– Да, – сказал я, – у нас сверхзасекреченная структура, как уже знаете. Потому проблемам секретности значение придается первостепенное. Все вы тоже будете под неусыпным наблюдением. Это вам известно, так как вы, будучи работниками секретных служб, давали соответствующие подписки. Разумеется, меня интересует только безопасность, а ваша личная жизнь остается неприкосновенной.

Данко буркнул хмуро:

– А что в ней особенного? Посмотри на одну пару, увидишь все остальные. Нас это не беспокоит.

Ивар проронил:

– А мне даже нравилось на пляже с нудистами...

Ингрид презрительно фыркнула.

– А что такого? – спросил он. – Можно сказать, общество будущего... Ничего скрытого от глаз общественного. Под одеждой мало ли какая у кого проказа, а тут все на виду...

Он улыбнулся самодовольно, показывая, что ему стыдиться нечего, хорош, а я кивнул, дескать, согласен, нужно секретным службам облегчать наблюдение за гражданами, сказал уже теплее:

– Обживайтесь, знакомьтесь с оборудованием. Пока без выхода в Интернет, но когда поставим надежную защиту, будет самый быстрый в мире!.. Вернусь через два-три часа.

Ингрид вышла вслед за мной, спросила шепотом:

– К Мещерскому?

– Да, – ответил я. – Хочешь поработать шофером?

– Я же добрая, – пояснила она, – глубоко внутри.

– А не умалится ли твой высокий статус? – поинтересовался я.

– У меня тоже могут быть дела в Управлении, – сообщила она. – Я же приставлена следить за тобой, забыл?.. Как отдел внутренних расследований. Контрразведка под прикрытием. Так что ты у меня под колпаком.

– А-а-а, – сказал я, – значит, пока бить не будешь? Ну тогда поехали. Жаль, мигалки больше нет... А я из-за нее чуть было не поступил в милицию.

Мы вышли на улицу, она сказала загадочно:

– У нас другие преимущества.

– Какие?

– Узнаешь.

Мещерский, как она выяснила в дороге, на месте, освободится через пять минут, что

удобно, нам ехать еще минут шесть-семь.

Охрана меня уже знает, но все равно пропустили через все сканеры, вдруг инопланетянин из протоплазмы принял мой облик, а внутри даже костей нет, наконец пустили на лестницу, а там уже быстрее пробрались мимо вроде бы отсутствующей охраны к кабинету Мещерского.

Он как раз выпроваживал из кабинета двух в штатском, все-таки задержался с ними на лишние три минуты, ай-яй-яй, но ладно, это же не армия, а внешняя разведка, тут свои нормы.

Ингрид осталась в коридоре, а Мещерский, кивнув ей дружески, пропустил меня впереди себя в кабинет, гостеприимный хозяин, на ходу поинтересовался:

– Как первый день?

– Спасибо, – ответил я, переступая порог. – Обычный рабочий день.

– Коллектив устраивает?.. – спросил он. – Садитесь, у нас короткая рабочая встреча.

Я сел, сказал с усмешкой:

– У нас в отделе крепкая тоталитарная демократия с человеческим лицом. А это значит, можем действовать быстрее и эффективнее, чем в тех обществах, где демократия... чрезмерна и где голос кухарок принимается в расчет. Я имею в виду, уже существует Альянс по спасению цивилизации, а также Сингулярити Институт, Future of Humanity Institute в Оксфорде... Есть более мелкие, но все их роднит то, что они рассуждают, обсуждают, обмениваются мнениями, на этом их бурная деятельность и заканчивается.

Он рассматривал меня внимательно, изучающе, словно всего того, что наговорили обо мне аналитики, недостаточно, а вот сам от такого вот созерцания получит обо мне информации намного больше.

Хотя, мелькнула мысль, может, и получит. Человек все еще темный ящик.

– Еще не начинали собирать материал?

– Уже, – сообщил я. – Самые заметные моменты, а там будут и другие... Вот список глобальных угроз, которые назрели и уже вот-вот... Эти, которые отмечены зеленым, близки, но при всей их опасности с ними легко справиться силами местных правительств...

Он взглянул быстро, кивнул.

– Замечательно.

– Даже местных спецслужб, – сказал я, – если у вас с ними есть контакты. Правительству сообщат потом. Незачем сперва запрашивать разрешение, а потом действовать, если налицо прямая и явная угроза.

– Согласен, – ответил он. – А в отмеченных желтым?

– Это в странах, – сообщил я, – которые с нами, мягко говоря, не дружат. И могут творить козни под прикрытием властей. Разумеется, негласным.

Он быстро проглядел список.

– Контакты у нас есть и с ними. Не с правительствами, а негласно на уровне спецслужб. Думаю, сумею убедить, что эти мастера-самоучки навредят сперва им, потом всему миру. А что на красном?

Я положил перед ним на стол лист и развернул.

– Это частные лаборатории, которые вроде бы никому не принадлежат. Или относятся к различным фондам по сохранению окружающей среды, сохранению диких видов животных...

Он вчитывался внимательно, сказал с кривой усмешкой:

– Потому и забрались в самые что ни есть джунгли? Но, возможно, это и есть чудачки, одержимые идеей спасти для человечества всех ядовитых змей и скорпионов?

– Таких немало, – согласился я, – но всех подозрительных сперва тщательно проверяем. Вот список оборудования, которое заказал Фонд охраны диких животных в Тунисе...

Он просмотрел бегло, отодвинул ногтем.

– Сожалею, но мне трудно судить...

– Оборудование обычное медицинское, – согласился я, – хотя и самые новейшие разработки. Но если рядом поставить то, что получили на прошлой неделе и в прошлом месяце от других фирм, то получается единая линия секвенирования генома и сложнейших операций в ДНК.

Он кивнул.

– Продолжайте.

– Я верю людям, – сказал я, – и готов согласиться, что эту дорожку лабораторию затащили в джунгли потому, что скромные.

– И стесняются журналистов.

– Вот-вот, – сказал я. – Такие вот подвижники и передвижники.

Он договорил:

– И потому не хотят, чтобы мешали их работе. И даже результаты не собираются публиковать в научных журналах. Верно?.. Постарайтесь узнать все, что сможете, а я позабочусь, чтобы подготовили к отправке в те места кого-то из знающих местную специфику.

– Надо смотреть на месте, – согласился я. – Знаете, Аркадий Валентинович, если честно, уже почти жалею, что занялся этим.

– Что так?

– Чем глубже вникаю, – ответил я искренне, – тем страшнее и безнадежнее. Во-первых, здорово опоздали. Во-вторых, только чудом человечество еще не уничтожили... Уже с прошлого года возникла возможность со стороны не правительств, как было давно, а от нелегалов... И вероятность уже выше двадцати процентов!..

– Да, – согласился он со вздохом, – не зная этого, жить спокойнее.

В холле с двумя в штатском беседует генерал Кременев, увидел меня, знаком повелел задержаться, а сам еще несколько минут что-то обсуждал и перетирал.

Я ждал, медленно начиная злиться, хотел было уйти, я не подчинен, наконец он отпустил собеседников и повернулся к нам.

– Спасибо, что подождали, – сказал он небрежно. – Да-да, вижу, уже кипите. Вы там в академиях к дисциплине как-то не?

– Даже со знаком минус, – заверил я. – А «спасибо» у вас – это от общения с гражданскими?.. То ли еще будет!

– Намеряете, – поинтересовался он, – что я тут слишком часто?.. Что делать, собираюсь в отставку, присматриваю место, где жалованье высокое, а сотрудники бездельничают... Что скажете насчет вчерашнего митинга по поводу завышенных ассигнований на оборону?

Я ответил с неудовольствием:

– Пятая колонна. Не я президент, всех этих борцов за права и личные свободы ограничил бы в правах по самое не могу. Что так смотрите? Да, арестовывать, предъявлять обвинения...

Генерал посмотрел на меня исподлобья, но в прищуренных глазах мне почудилось одобрение.

– У нас не тоталитарное государство...

– Уже, – возразил я. – Весь мир тотализируется. Стремительно!.. Иначе не выжить. Чтобы демократии выжить, она должна стать тоталитарной. И очень жестко реагировать на угрозы.

Он хмыкнул.

– Интересно... А в чем этим борцам за личные свободы можно предъявить обвинения?

Я поморщился.

– Да в чем угодно! Хоть наркотики им подбросьте, да что угодно. Эти мерзкие твари, что могут погубить весь род человеческий, должны быть интернированы. Я, знаете ли, сам люблю покричать о злоупотреблениях нашей тоталитарной власти, но когда приходится выбирать между тоталитаризмом и полным истреблением человечества, то лучше тоталитаризм!..

Генерал промолчал, то ли все еще осторожничает, а Ингрид сказала осуждающе:

– Такое нельзя говорить даже в шутку.

– Тоталитаризм можно изменить со временем, – ответил я, – а мертвое человечество воскрешать будет некому... Генерал?

Он вздохнул.

– Не думал я, что такое услышу от мирного ученого. Наверное, мы в самом деле на краю пропасти. Если даже вы так заговорили.

– Щиты никогда не создавали раньше мечей, – напомнил я. – Но сейчас темпковки мечей таков, что без щита человечество может гикнуться от одного-единственного вируса!

Генерал продолжал рассматривать меня исподлобья.

– Щит всегда совершенствовали после модернизации меча...

– Потому нужно выявлять, – сказал я жестко, – нелегальные пункты изготовления мечей. И уничтожать... не дожидаясь, пока бюрократы и правозащитники придут к какому-то компромиссному решению.

– А компромиссное вас не устроит, верно?

– Генерал, – ответил я. – Впервые в мире ситуация такая, что один-единственный меч, даже изготовленный в деревенской кустарной мастерской, может уничтожить всех людей на свете!.. В тот же день. О каких щитах может идти речь?

Он подумал, сказал со вздохом:

– Сынок... Ты говоришь то, что я, старый волк, нутром чую. На мой голос можешь рассчитывать всегда.

Он протянул руку, я пожал его толстые пальцы, все еще сохранившие крепкую хватку десантника, Ингрид пошла за мной к двери тихая, как мышь в виду кота, сказала вздрагивающим голосом:

– Что вы оба меня так пугаете...

– Никто не хочет видеть, – ответил я, – как мир летит в пропасть... Я тоже не хочу.

– Но смотришь?

– Даже пытаюсь удержать, – ответил я. – С твоей помощью.

– А ты свинья, – сказала она неожиданно.

– А почему в этот раз?

Она ответила невесело и как-то потерянно:

– С тобой я начала терять себя. Впервые в жизни иду за кем-то, как овца.

– Овца с автоматом? – поинтересовался я.

– Да какая разница, что в руках.

Ладно, если генерал пообещал сделать все нужное со своей стороны, то я, можно сказать, на Отечество уже поработал, теперь можно заняться сладостно и наукой: отправился в Центр нейрофизиологии, пообщался с коллегами, заглянул в лабораторию Геращенко.

Он с огромным бутербродом в руке прогуливается вдоль клеток с белыми и серыми мышами, откусывает, они смотрят на него круглыми черными глазенками, что-то мычит им одобрительное, иногда просовывает палец между прутьями клетки и почесывает пузо то одной, то другой мышке.

– Избаловали вы их, – сказал я, – Остап Шухефович! Потому и живут дольше, что чешете и гладите!.. Это можно засчитать как допинг.

– У нас допинги разрешены, – парировал он. – Лишь бы способствовали долгожительству. Для науки понятия допинга не существует в принципе... Как ваши дела?

– Часть мышек заберу к себе домой, – ответил я, – и продолжу с ними нянчиться чаще. Вдруг какая ночью заплачет, им же тоже бывает страшно, тут же приду и успокою, объясню, что привидений не бывает и под кроватью никто не прячется.

Геращенко, что за чудо наши высоколобые, поинтересовался только, буду заказывать для них еду из зоомагазинов или же присылать мне отсюда, где мышек по лабораториям сотни и сотни, корм с базы обходится оптом дешевле, сэкономлю.

Едва я вернулся в отдел катастроф, так его ехидно начал называть Левченко, навстречу бросился Данко.

– Шеф!.. Идет мощная хакерская атака на сервер!..

– Как защита? – спросил я быстро.

– Трещит, но пока держится!.. Мы с Иваром спешно затыкаем дыры, но те сволочи рвут в другом месте...

– Продолжайте, – велел я и ринулся в свой кабинет.

Еще не переступив порог, подключился к Сети и за секунды оценил масштаб угрозы,

проследил, откуда ведется атака, как бы ни маскировали через прокси по всему миру, и когда опускал задницу в кресло, уже прикидывал, что и как делать.

Атака сразу из трех мест, ресурсы задействованы немалые, но все же не суперкомпьютеры, какая-то частная компания или маскирующаяся под частную...

– Кто к нам идет за шерстью, – пробормотал я, – тот вернется стриженным...

Проникнув через все файерволы на первый сервер, я просто стер там все с диска, даже операционку. Жаль, не бывает программ, чтобы повредить хард физически, хотя такие разрабатывались с конца прошлого века, но все оказалось безрезультатным...

Второй сервер защищен и самодельными программами собственного изготовления, молодцы, но я прошел через них, как бизон через туман, тоже стер все с дисков, поставил на неотключаемую дефрагментацию, а на экране смерти добавил череп и надпись: «Попробуешь еще?».

Третий продолжал упрямо ломиться, надеясь все же, что вот-вот защита рухнет. Я в самом деле ощутил опасность и, прежде чем и там все уничтожить, сперва обнулил их банковские счета, перебросив деньги на Каймановы острова, открыв особый счет, удалил медицинские страховки, права на вождение автомобилей и вообще уничтожил все документы, где бы они ни находились, даже в облаке, затем еще и разослал с их адреса порнушные картинки всем френдам в соцсетях, а потом удалил аккаунты, как в сетях, так и вообще всюду вытер из инета.

Когда я вышел из кабинета в общий зал, на меня смотрели почтительно, как папуасы на верховного жреца, я сказал небрежно:

– Выдохлись... Ничего у них не получилось. Даже не успел посмотреть, как и что они там пробовали...

– Да, – заверил Данко страшным шепотом, – вот как только вы сели за комп, так сразу атака и кончилась!..

– Думаю, – добавил Каленик значительно, – нам с шефом повезло.

Левченко загадочно улыбался, но посматривает с интересом, насчет того, что разбираюсь и в компьютерах, еще не знал.

Ингрид старается держаться ровно, ничего же не случилось, рутинная работа, кто-то в самом деле мог попытаться проверить нашу защиту даже из своих, из самых лучших побуждений.

Данко сказал уверенно:

– Думаю, эти орлы уже никогда и ни за какие деньги не попытаются влезать к нам в сеть.

Левченко заметил:

– Присматривайтесь к нашим соседям. Вчера мне один с нижнего этажа панибратски предлагал помощь, защиту и покровительство. К новеньким всегда интерес...

Данко сказал так же победно:

– Если начнет смотреть с почтительным ужасом, то сразу пойдем, кто стоял за атакой.

Ингрид проворчала:

– Не заноситесь, не заноситесь...

– Почему? – спросил Данко. – Атака была мощной и скоординированной.

– И так легко отбились? – спросила она с недоверием. – Это какие-то дети шалили.

Она вытащила запищавший мобильник, но в сторону не отошла, мазнула кончиком пальца по экранчику, и сразу на стене проступило суровое лицо Мещерского.

Некоторое время он всматривался в нас, как Зевс с Олимпа, наконец проговорил ровным тоном, в котором непросто уловить одобрение, но я все-таки заметил:

– Вижу, команда подобралась неплохая... Мы всех еще разок проверили по своим каналам, люди со временем меняются, но это специалисты даже очень... Рад за вас, ребята.

– Спасибо, – ответил я. – Рад, что вы убедились.

Он посмотрел с легкой насмешкой.

– Не ликуйте так уж... Возможно, вашу защиту поручили проверить не самым лучшим. Да-да, я уже в курсе. Ваш отдел пока что мал, но надежды на него возлагаем огромные... Вы как-то сумели набрать себе вообще асов. Вы же вроде бы не компьютерщик?

Я засмеялся.

– Вы не поверите, но все биологи теперь компьютерщики. Любые процессы сперва моделируются на компах, а уже потом в реале. Так сохраняется уйма денег и, главное, времени. Потому наука и рванулась с таким ускорением, что, если не успеем следить за всем, человечеству хана.

– Вот-вот, – сказал он, – сейчас проверяем, что там в Тунисе... Слишком уж место удаленное, а расположили лабораторию в таком месте, что со спутников только на широкие кроны каменных или пробковых дубов посмотришь. Там такие, под каждым деревом можно дивизию от дождя, как говорили раньше, а теперь от спутников прятать. Даже ясени или простые клены вдвое толще наших!

– Вы обещали послать спецов, – напомнил я.

Он чуть понизил голос:

– Вы уверены, что здесь защищено от прослушивания?

– Ваши проверяли, – напомнил я. – А потом мои орлы еще и добавили пару огненных стен.

– Послали, – ответил он. – Ждем результатов проверки.

– Некогда ждать, – ответил я невесело. – Таких лабораторий уже насчитали восемь штук.

А мы только начали поиск...

Я бежал по красным пескам, далеко в темном небе слабо блещет светлое пятнышко, я с трепетом понимал, что там планета Земля, а я бегу по Марсу, прыгаю по гребням барханов с той легкостью, словно я на Луне... но это не гравитация изменилась, это я уже постепенно настолько апгрейдил свое тело, что в нем вообще не осталось биологической ткани, а металлу не требуется кислород...

Проснулся с колотящимся сердцем и настолько радостным чувством, что изумился: что со мной? С тех пор как нейродистрофия ушла, а мозг заработал без предохранителей, жил по уму, а вот по сердцу только во сне...

Но как только подумал, что доживу до того времени, когда смогу заменять части тела на более совершенные, радостное ощущение вернулось, да не просто радостное, а завизжал от счастья, как ликующий поросенок...

В самом деле, я буду жить вечно! Во всяком случае, сколько пожелаю. И буду не стареть, а напротив – становиться сильнее, умнее, эрудированнее, буду наращивать свои возможности, чтобы и по Марсу погулять, и на Юпитере побывать... мое тело киборга никакое давление не сокрушит, а когда стану силовым вихрем, тогда вообще смогу хоть в недрах Солнца искупаться...

А сколько звезд, галактик для исследования!..

Ингрид, похоже, очень близко приняла указание присматривать за мной, сегодня я едва успел заехать в наш Центр биотехнологий, как позвонила и сообщила, что через десять минут будет у подъезда, подбросит на мою новую работу. Чувствую, всякий раз в последний момент успеваю заменить этим словом «службу».

[Купить полную версию книги](#)